

Центр содействия реформе уголовного правосудия

Париж — Лион, 2011

Знакомство с французской ювенальной юстицией

Москва, 2012

УДК [343.851.5+343.915](44)
ББК 67.518.8(4Фра)
П18

Париж — Лион, 2011. Знакомство с французской ювенальной юстицией. — М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2012. — 84 с.

Сборник материалов, посвященных знакомству сотрудников и волонтеров Центра содействия с системой ювенальной юстиции Франции; представлены описания работы самых разных государственных и общественных организаций, занимающихся проблемами детей и подростков в трудной жизненной ситуации.

ISBN 978-5-901458-11-2

Для привлечения внимания общества к проблемам трудных подростков. Для широкого круга читателей.

Издано при поддержке французской благотворительной организации Aser-Russie в рамках проекта «Подростки в тюрьме», который продолжает тему профилактики подростковых правонарушений, начатую проектом «Осторожно, тюрьма!», финансируемым Aser-Russie в 2004–2005 годах.

ISBN 978-5-901458-11-2

© РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2012

ВВЕДЕНИЕ	4
День первый	
Национальный союз ассоциаций защиты детства — CNAPE	6
Студенческое объединение посетителей тюрем — GENEPI	11
День второй	
Ассоциация «Вальдокко», Центр Иоанна Боско — CJB	14
Встреча с ювенальным судьей	17
День третий	
Центр для подростков в очень трудной жизненной ситуации — LAURENFANCE	21
Институт подготовки социальных педагогов — Институт Сен-Лорана ..	23
Судьи для несовершеннолетних	25
Встреча с прокурором республики Марком Десером и ювенальным прокурором Лоранс Кристофль	29
День четвертый	
Институт детства и семьи департамента Рона — IDEF du Rhône	33
Региональное управление судебной защиты молодежи — PJJ	39
День пятый	
Центр закрытого типа для трудных подростков в Сан-Дени ле Тибул. . .	45
День шестой	
Встреча с отцом «ребенка в трудной жизненной ситуации»	52
ПРИЛОЖЕНИЯ	
CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства).	
Краткая информация	60
Закон № 2002-1138 от 9 сентября 2002 года об ориентации и программировании правосудия	62
Схема французской системы защиты детства	64
Ключевые цифры правосудия по делам несовершеннолетних. . .	66
Во Франции тюрьму заменили на гражданскую повинность . . .	69
Михаил Агафонов. Это «страшное» ЮЮ, или Что я видел в ювенальной Франции	71
Римма Чиркина. А что у нас?	76

Введение

Поездка сотрудников и волонтеров Центра содействия реформе уголовного правосудия¹, посвященная знакомству с системой ювенальной юстиции во Франции, была подготовлена французской благотворительной организацией Acer-Russie². Нашим отношениям более двадцати лет, дружеская поддержка Acer-Russie проектов Центра — по социальному сопровождению подростков из российских воспитательных колоний, профилактике правонарушений несовершеннолетних и творческой работе с детьми в колониях — неоценима.

Благодаря программе, составленной волонтером Acer-Russie Катрин Ле Ру (Catherine Le Roux), мы получили возможность встретиться с представителями разных государственных и общественных организаций, занимающихся проблемами тех детей и подростков, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Мы посетили Институт детства и центры открытого и закрытого типа, встретились с судьями и с прокурором, с католическими священниками и волонтерами...

Мы вернулись переполненные самыми разными впечатлениями. К примеру: нарядная рождественская елка перед собором Парижской Богоматери в конце января, мощные тротуары Парижа, лионские трубулы³, дружелюбие, приветливость и готовность помочь со стороны всех, нами встреченных, и предупреждения наших сопровождающих: «Не все французы такие»... Никаких взрывов — а мы улетали из Домодедова в день теракта 26 января 2011 года — и до сих пор изумление: как можно быть рядом со взрывом и ничего не почувствовать? И после такой Москвы — Париж с маргаритками!

Мы вернулись из этого путешествия и расшифровали все наши записи. Нашим первым читателем и редактором стала Катрин Ле Ру. Большое спасибо ей за помощь, дополнения и уточнения!

¹ РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (www.prison.org) — правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания. Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при горячей поддержке академика Андрея Сахарова, который до последних дней своей жизни (декабрь 1989) активно с ним сотрудничал. Здесь и далее, если не указано иного, — примечания редакторов отчета.

² Acer-Russie (www.acer-russie.org) — ассоциация гуманитарной и социальной помощи, которая поддерживает местные инициативы помощи наиболее незащищенным слоям населения в России; с Центром содействия реформе уголовного правосудия работает с 1989 года.

³ Трубулы — крытые переходы с одной улицы на другую в Старом городе, расположенном на горе. Они построены по образцу римских двориков, иногда с лестницами, галереями и т.д.

Огромная благодарность всем, кто сопровождал нас в этой поездке, встречался с нами и потом внимательно читал наши отчеты, вносил уточнения и предлагал новые материалы.

Спасибо французским партнерам — с их помощью мы получили статистические данные по делам несовершеннолетних и «Схему французской защиты детства», а также российским коллегам — для более полного представления проблемы мы часто ссылаемся на публикации Эммы Огарышевой, исполнительного директора фонда «Право ребенка»⁴, и Марианны Садовниковой, руководителя иркутской «Ювенты»⁵. Отдельная благодарность коллегам по Центру содействия реформе уголовного правосудия Валентине Фридман и Валерию Сергееву — за внимательное знакомство с текстом и очень нужные вопросы к нему.

Как зародилась во Франции ювенальная юстиция

Первый ювенальный суд во Франции появился в 1914 году. Была создана автономная система судов для несовершеннолетних, которая включала не только институт единоличного судьи, но также суд присяжных по делам несовершеннолетних. Сам процесс внедрения ювенальной юстиции во Франции достаточно необычен: если в большинстве стран Европы пропагандой ювенальной юстиции занимались педагоги и психологи, то во Франции большой вклад внес инженер Эдуар Жюлье, побывавший в США и рассказавший об американском опыте на родине.

Постепенно во Франции была разработана модель, которая учитывала и национальный опыт, и национальную правовую систему. Надзор за несовершеннолетними обвиняемыми поручался специальным чиновникам судебной полиции⁶. Следственный судья⁷, с согласия прокурора, мог оставить несовершеннолетнего в семье или поместить его в специальное воспитательное учреждение.

Как сейчас организована работа системы ювенальной юстиции? Предлагаем вниманию читателей то, что мы увидели, услышали, поняли.

⁴ Региональная общественная организация (РОО) содействия защите прав детей «Право ребенка» (pravorebenka.narod.ru).

⁵ Иркутский молодежный фонд правозащитников «Ювента».

⁶ В государствах с разделением властей органы полиции относятся к исполнительной ветви власти, однако органы и должностные лица, связанные с расследованием преступлений и принятием решений по мелким правонарушениям, сохраняют связь с судебной ветвью власти (например, судебная полиция и полицейские трибуналы во Франции).

⁷ Следственный судья — во Франции, Германии и Австрии член коллегиального суда первой степени, на которого возложено производство предварительных следствий; во Франции следственные судьи назначаются на 3 года, в Германии — на 1 год.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Национальный союз ассоциаций защиты детства — CNAPE

На сайте www.cnape.fr можно увидеть карту Франции и по полю деятельности или по району найти все входящие в CNAPE организации.

CNAPE (Convention Nationale des Associations de Protection de l'Enfance) стала первой организацией, в которой мы побывали, и, возможно, поэтому впечатления от нее — очень яркие.

Фабьен Кирио (Fabienne Quiriau), директор CNAPE, Дени Вернада (Denis Vernadat), директор Службы воспитательной работы в «открытой среде» АЕМО, Кристиан Менье (Christian Mesnier), директор Фонда Гранше, рассказали, что CNAPE объединяет различные организации, занимающиеся

работой с неблагополучными семьями и работающие в 90 сферах⁸. CNAPE не финансирует, а только координирует их деятельность⁹.

Кстати, без этой поездки было бы трудно представить неведомое нам благополучное сосуществование государственных и негосударственных институтов и постоянную поддержку, в том числе финансовую, общественных организаций со стороны государства.

⁸ См. Приложение: CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства). Краткая информация.

⁹ См. таблицу «Схема французской системы защиты детства» на с. 62

Наш главный интерес — «трудные» подростки. На первом месте во Франции, как повелось с тех давних послевоенных времен, когда среди подростков в тяжелой жизненной ситуации было много сирот и бездомных, — воспитание, а не наказание. Но, как нам объяснили, общая тенденция сейчас меняется: многие считают, что надо строже относиться к детским провинностям и преступлениям.

Первая встреча в Париже с представителями организации СНАРЕ.

Нам было очень интересно узнать, что правонарушители во Франции становятся с каждым годом моложе, что во Франции, как и у нас, тоже хватает противников ювенальной юстиции, которые считают, в частности, что молодых людей 16–18 лет нужно судить, как взрослых.

В общественных дебатах все чаще слышатся настойчивые призывы привлекать к ответственности родителей за плохое поведение детей. И сейчас, если преступление совершено до 18 лет, родители должны возместить нанесенный жертве ущерб. Нам показалась очень разумной следующая, пока лишь предлагаемая, мера воздействия на нерадивых родителей: если ребенок не посещает школу, родители лишаются пособия на него. Но далеко не все с этим

Assistance Educative en Milieu Ouvert. «Воспитательная работа в “открытой среде”» — ребенок, совершивший преступление или оказавшийся в трудной ситуации, остается в семье, но судья назначает ему меры по воспитательному сопровождению. В ходе судебного заседания в присутствии родителей, а также в тексте постановления судья должен обозначить цели воспитательной работы, предоставляя работникам социальных учреждений свободу в выборе средств. Эти меры приводятся в действие либо государственными, либо негосударственными организациями. В любой момент постановление может быть пересмотрено по просьбе прокурора, родителей, самого несовершеннолетнего, социальных организаций или по инициативе судьи.

Судья может принять решение, даже если родители не согласны с ним, но закон требует, чтобы он постарался склонить их к согласию. Родители сохраняют те родительские права, которые не противоречат осуществлению принятого решения. Родители не лишаются родительских прав даже в случае помещения ребенка в специализированное учреждение или временную приемную семью. Судья выступает в роли родителей только в случае их отсутствия. У них спрашивают согласия по всем важным вопросам, касающимся ребенка. Только они имеют право дать согласие на операцию, брак, аборт, путешествие за границу или выбрать школьную ориентацию ребенка.

Они имеют право на переписку с ребенком и на посещение ребенка, но в некоторых случаях (и только по очень серьезным причинам) судья может временно лишить их этих прав, если это необходимо. (Огарышева Э. Организация помощи социально неблагополучным семьям и детям во Франции. 2003. pravorebenka.narod.ru/docs/BrochureFrance.doc)

Они имеют право на переписку с ребенком и на посещение ребенка, но в некоторых случаях (и только по очень серьезным причинам) судья может временно лишить их этих прав, если это необходимо. (Огарышева Э. Организация помощи социально неблагополучным семьям и детям во Франции. 2003. pravorebenka.narod.ru/docs/BrochureFrance.doc)

Фонд Гранше, некоммерческая негосударственная организация по семейному устройству, основан в 1903 году для детей, которые болели туберкулезом. Теперь он занимается семейным устройством детей, сопровождением приемных семей, работой с семейными ассистентами. В 2011 году на его попечении состояло 147 детей.

согласны. Работники соцслужб, например, беспокоятся, что в результате бедные семьи лишатся одного из источников помощи.

Нам рассказали, как французское государство поддерживает семьи с детьми. Пособие получают родители, независимо от имущественного статуса, только с второго ребенка, то есть на двух детей — 125 евро в месяц, на трех — 285, на четырех — 443. Пособие платится до тех пор, пока ребенку не исполнится 18 лет, а если он продолжает учиться и дальше, то до 21 года. Кроме того, в школах ребенок из малообеспеченной семьи получает бесплатное питание. Неимущие родители также получают от органов опеки чеки на бесплатные занятия детей спортом, на оплату кружков и студий. Существуют летние лагеря, куда родители, предоставив декларацию о доходах, подтверждающую их недостаточную обеспеченность, могут бесплатно отправить ребенка.

При работе с семьей, где есть неблагополучный ребенок, — часто это неполные семьи — проводится воспитательная работа, родителей приглашают на специальные курсы, иногда судья назначает воспитательную работу в «открытой среде».

О критической ситуации с подростком сообщают родственники, учителя, соседи. Органы опеки стараются получить объективную оценку того, как обращаются с ребенком.

Сложность и, возможно, противоречивость системы состоит в том, что приемная семья заботится о ребенке, но в то же время не имеет на него никаких прав. Решающее слово в выборе во всем: от вероисповедания ребенка до его стрижки — принадлежит родителям.

Обычно в приемные семьи или интернат помещают ненадолго, и ребенку предоставляется возможность встречи с родными. На длительное время помещают только при чрезвычайных ситуациях в семье, например в случае очень трудного социального или экономического положения, после изнасилования, инцеста, психической болезни родителей. Есть и компромиссные варианты: ребенок ночует в родной семье, а весь день проводит в интернате, или же возвращается в семью на каникулы, а во время школьных занятий живет в интернате.

Кратковременное изъятие детей чаще всего решается в рамках административной системы защиты детства (то есть по решению соцслужб, с согласия родителей). Долговременное изъятие почти всегда решается в рамках судебной системы защиты детства (то есть по решению судьи; и в этом случае стараются добиться согласия родителей, но оно не обязательно).

Мы спросили, сколько трудных подростков во Франции? Нам привели следующие цифры: в департаменте под Парижем, где 1 400 000 жителей, для 1200 детей в год назначаются меры по воспитательному сопровождению (АЕМО) и из них примерно 25–30 детей изымаются из семьи. В среднем из 100 детей, для которых проводится воспитательная работа, 50 сопровождаются «в открытой среде», 50 изымаются из семьи (25 помещены в интернаты, 25 в приемные семьи)¹⁰. Как правило, в 85 % случаев семья согласна с изъятием. Половина этих детей попадает в интернаты, половина — в приемные семьи.

А кто чаще совершает правонарушения среди подростков — представители этнических меньшинств или французы? Во Франции такая статистика не ведется, сказали нам, кроме того, социальные службы опасаются стигматизации несовершеннолетних иммигрантов. Мы поняли, что задали нетактичный вопрос¹¹.

Все меры помощи семье, внимание к ней чрезвычайно нам понравились. Было бы замечательно, если бы такие же алгоритмы работы с семьями, выявления неблагополучия существовали и у нас.

Мы рассказали о нашем центре, о работе в воспитательных колониях по социально-правовому сопровождению подростков, и нам показалось, что французским коллегам это было интересно — опыт постижения подростковых проблем у нас очень отличается от французского.

¹⁰ Уточнения Кристиана Менье.

¹¹ Потом на этот вопрос нам ответил прокурор: см. главу «Встреча с прокурором республики Марком Десером и ювенальным прокурором Лоранс Кристофль».

Студенческое объединение посетителей тюрем — GENEPI

Информацию о GENEPI (Groupement Etudiant National d'Enseignement aux Personnes Incarcérées) мы нашли в Интернете еще в Москве. Замечательные ребята, студенты, удивительно организованные. Их объединение вызывает хорошую белую зависть, нам бы такое количество волонтеров — 1200 человек по всей Франции! Нам было очень интересно узнать их мотивацию: они считают, что тюрьма касается каждого, тюрьма — составная часть общества.

genepi

Groupement Etudiant National
d'Enseignement aux Personnes Incarcérées

www.genepi.fr

Организация была создана в 1970-е годы при покровительстве Жискара д'Эстена, когда во Франции было очень много тюремных бунтов. Первые сотрудники-волонтеры — студенты престижных вузов — посещали тюрьмы совместно с преподавателями.

GENEPI отличает теснейшее сотрудничество с госструктурами, в данном случае с Министерством юстиции (с Дирекцией пенитенциарной администрации и с Судебной службой защиты молодежи): их офис находится в здании, принадлежащем Министерству, на этаже, где расположены разные общественные организации и профсоюзы, то есть те, кто может выражать несогласие с решениями Минюста или пенитенциарной администрации. Руководители GENEPI получают пособие от Министерства по делам молодежи, спорта и ассоциаций (в рамках так называемой добровольной гражданской службы: студенты на год прекращают учебу, чтобы заниматься вот такой общественной работой).

Сейчас у GENEPI есть официальное соглашение с администрацией тюрем; они опекают 90 тюрем (половину всех тюрем Франции), а также центры Социальной защиты молодежи (в том

Нас приняли руководители GENEPI¹². Эти молодые люди нам очень понравились; даже сквозь языковой барьер, с которым нам помогал справляться директор Асер-Russie Александр Ельчанинов, была видна искренность, бескорыстная увлеченность, доброжелательность.

странный или французский (например, эмигранты). Очень важно, что никто не принуждает заключенных посещать занятия, они приходят на них только по собственному желанию.

GENEPI также делает доклады о положении в тюрьмах: их целью является не профилактика, а предоставление информации и дискуссии об условиях жизни в тюрьме и о роли тюрем в обществе.

Руководители получают зарплату (примерно половину от минимальной зарплаты во Франции, 672 евро) и освобождаются на год от занятий в университете, остальные члены организации — волонтеры и работают бесплатно.

Четыре раза в год по выходным дням проходят собрания всех участников, проводятся семинары, посвященные проблемам тюрьмы, этикету поведения добровольца в тюрьме. По существующим правилам членам GENEPI нельзя ничего приносить

¹² Президент Максим Гуаш (Maxime Gouache), национальный секретарь, ответственный за воспитательную работу, Антуан Жан (Antoine Jeanne), национальный казначей Серж Бене (Serge Benest), вице-президент Саша Бесуше (Sacha Bésuchet), уполномоченные делегаты Иль-де-Франс/Центра Пенелоп Кардон (Pénélope Cardon) и Жозеф Ривьер (Joseph Rivière).

заклученным, нельзя фотографировать; во время посещений в основном проходят образовательные и социокультурные занятия.

GENEPI на две трети состоит из девушек. Организация не запрещает волонтерам завязывать более тесные отношения с заключенными, но при условии, что время встреч посвящено образовательным или социокультурным занятиям. Например, разрешается переписка с заключенными. Нам рассказали о случае, когда девушка влюбилась в заключенного: она перестала быть волонтером и встречалась с ним в тюрьме уже как посетитель.

Мы очень сожалели о том, что пока трудно себе представить в нашей стране подобную организацию, так согласованно, масштабно и эффективно ведущую работу с заключенными. Кажется, если бы у нас велась такая работа, это повлияло бы на проблему рецидива. Надо, однако, подчеркнуть, что целью GENEPI является не профилактика рецидива, а прежде всего борьба с изоляцией заключенных от общества.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На следующий день мы отправились в Лион; за окном скоростного поезда — январский пейзаж центральной Франции: серозеленые, коричневатые дали, постепенно местность становится все более гористой, мы едем на юго-юго-восток, подъезжаем к Лиону.

Ассоциация «Вальдокко», Центр Иоанна Боско — СJB

www.le-valdocco.fr
www.centrejeanbosco.com

Ассоциация «Вальдокко» (Valdocco) принадлежит к католической конгрегации «Салезианцы Дона Боско» (Salésiens de Don Bosco) и занимается социальной работой.

Мы встретились с Жан-Мари Петиклером (Jean-Marie Petitclerc)¹³, он священник, с его помощью организованы все наши встречи в Лионе.

¹³ Материал публикуется с поправками и уточнениями Жан-Мари Петиклера.

Жан-Мари — потрясающий человек, он родился в благополучной светской семье, блестяще учился в знаменитой парижской Политехнической школе. Во время учебы он внезапно сильно и надолго заболел и тогда переосмыслил свою жизнь, а выздоровев, стал католическим священником, но не пошел служить в церковь, а полностью посвятил свою жизнь помощи детям. Кстати, одно время Жан-Мари был советником при правительстве по вопросам «трудных кварталов» в Париже (июнь 2007 — февраль 2009).

В 1995 году в Аржантёе, предместье Парижа, была очень высокая юношеская преступность, из-за этого само название «Аржантёй» (Argenteuil) стало именем нарицательным. Жан-Мари основал Ассоциацию «Вальдокко» (Valdocco) — центр помощи детям в тяжелой жизненной ситуации. Название Ассоциации «Вальдокко» дано в честь католического святого XIX века Иоанна Боско. Иоанн Боско, после того как увидел сон, в котором Бог призывал его к заботе о брошенных детях, создал приют для беспризорных детей в Италии в районе Вальдокко под Туринном.

Жан-Мари Петиклер и Катрин Ле Ру.

Жан-Мари и его сотрудники работали в «открытой среде», то есть встречали детей на улице, беседовали с ними, приводили их в центр. Часто дети были бездомными, и им надо было искать жилье. Одновременно велась работа с детьми в школах.

К 2005 году центр в Аржантёе окончательно встал на ноги и его работа начала приносить заметные плоды, а Жан-Мари переехал в Лион, где основал очередной центр «Вальдокко».

В Лионе Жан-Мари сопровождал нас, но все время отвлекался на телефонные звонки — возникла необходимость использовать резервное место в Центре LAURENFANCE для подростка в очень трудной жизненной ситуации. Жан-Мари обсуждал вопросы о приеме подростка, его положение и поведение.

Гвоздем программы был рассказ трех ребят, мальчика и двух девочек, об их путешествии к Южному полюсу и жизни на острове Кергелен в течение месяца: они наблюдали за природой (считали альбатросов) и вели дневник.

Жан-Мари пригласил нас на ежегодную встречу Ассоциации, на которой подводились итоги летних проектов с трудными подростками. Праздник был замечательный, присутствовали воспитатели, подростки, родители подростков, волонтеры.

Мы побеседовали с ребятами: трудных подростков нам досталось двое. Райан, взрослый общительный мальчик, выступал и читал рэп: «Мы не знали, что с нами будет, где мы будем, что будем есть». (Райан рассказал, что старается в тексте избегать грубых слов.) В прошлом он считался неблагополучным и жил в интернате.

Второй мальчишка — маленький, юркий, не был готов к беседе и ускользнул после первых же вопросов.

Еще на встрече присутствовали две девочки — как оказалось, не «из трудных», им нужно было совсем немного профилактики, так как одна живет в беспокойном квартале, а другая переживает из-за неуспеваемости в школе. У обеих серьезные планы на будущее — одна собирается быть педиатром, а другая — биологом.

Поначалу нам показалось, что в путешествии могут принять участие слишком мало детей. Но о приключениях этих ребят во Франции знают все — целый месяц в прессе ежедневно общались об их жизни на острове и тем самым привлекали внимание к проблемам «трудных» подростков.

И сейчас дети выходили на сцену, рассказывали о своей поездке, комментировали презентации, показывали слайды под музыку. «Для них это очень важно и интересно, они ценят интерес к себе, к своей личности», — поясняет нам Катрин.

Потом история парусного путешествия была издана в виде альбома, альбом продают, чтобы поддержать деятельность Ассоциации.

Наша лионская программа сама по себе была безупречна, насыщена и полноценна, а еще случайно дополнилась непредусмотренной и абсолютно неформальной **встречей с ювенальным судьей** (двадцать лет стажа). Ну надо же! Мало того что есть ювенальная юстиция, так еще и ювенальные судьи на каждом шагу, и такие дружелюбные и открытые! Ниже мы представим подробный рассказ судьи о своей работе.

Встреча с ювенальным судьей

Поздно вечером после праздника Ассоциации «Вальдокко» мы разговорились с женщиной, которая, как оказалось, двадцать лет проработала ювенальным судьей. Франсуаз Комень (Françoise Commeignes) — красивая молодая женщина, с трудом верится, что она уже давно отучилась и успела столько лет отработать ювенальным судьей в небольшом городке в центре Франции. Сейчас она работает в суде для взрослых, а нам согласилась рассказать о своей прошлой работе.

Сейчас у ювенального судьи двойная роль: защита «детей в опасности» и наказание правонарушителей (вторая близка к работе судей в судах для взрослых). Прокурор передает дело в суд после получения результатов полицейского расследования.

После изучения дела судья вызывает подростка.

- В случае первого правонарушения аудиенция происходит без заседателей, но с обязательным присутствием секретаря суда, родителей и адвоката. Иногда во встрече принимает участие воспитатель. Он рассказывает о социальном положении несовершеннолетнего. Принимаются только воспитательные меры.

- В случае повторного правонарушения делом занимаются ювенальный судья и заседатели. Эти заседатели — непрофессиональные (в суде для взрослых наоборот: заседатели — профессионалы). Их судья выбирает сам, а потом его выбор утверждает Министерство. Выбирается заседатель на три года, ему платят за каждый день аудиенции.

Франсуаз рассказывает, что когда она только начинала работать судьей, то предпочитала, чтобы заседателями были директора школ, учителя, то есть те, кто имеет дело с подростками. А потом поняла, что не хуже, а может, даже и лучше работать с такими людьми, как аптекарь, хозяин гаража, торговец, — то есть с теми, кто знает ребят в обычной жизни, в самых разных житейских ситуациях, и кто показал свое неравнодушие к их судьбам.

Палитра применяемых мер разнообразна.

- Самое распространенное — условное наказание, часто сопровождающееся требованием выполнять специальные назначения: возмещать жертве ущерб, обязательно посещать школу, пройти курс лечения, участвовать в социально-полезных работах (для тех, кому больше 16 лет).
- Также может быть применена отсрочка наказания.
- Часто принимается решение о помещении в интернаты (частные или государственные), в которых, между прочим, учатся не только правонарушители. И распространено помещение в приемную семью — в таких случаях родители или другие родственники, хорошо себя зарекомендовавшие, имеют право посещать подростка. Такие меры приносят плоды, ребята возвращаются в семью, к учебе.
- Некоторых детей отправляют в центры закрытого или полужакрытого типа.
- Заключение — это крайняя мера. Применяется тюремное заключение очень редко, на памяти Франсуаз произошел всего один такой случай: 13-летний подросток раздел жертву и жестоко избил. (Кстати, раньше для подростков не строилось специальных тюрем, им отводился специальный блок в общей тюрьме.)

Очень важно, чтобы мера наказания соответствовала поступку.

Один из сложных вопросов — назначение штрафа или возме-

щение ущерба. Подросток сам заработать не может, но также и жертва не может ждать, все приходится решать вместе с родителями подростка и определять, кто заплатит. Если платят родители, подросток должен осознавать, что он им будет должен ту сумму, которую они заплатили.

Если подросток совершал правонарушение повторно, Франсуаз всегда старалась не повторять уже ранее примененное наказание, чтобы оно не потеряло смысл, она старалась соблюдать градацию.

В работе с подростком очень важно добиться, чтобы он понял, что именно он совершил. Франсуаз старалась предоставить ему возможность взглянуть на содеянное с разных сторон, иными глазами, чтобы раскаяние было искренним.

Каким образом судья и заседатели принимают решение?

До суда воспитатели Минюста заранее знакомятся с делом. Они составляют доклад и передают судье. Изучение ситуации помогает понять, к примеру, воровал подросток от голодной жизни или из-за стремления к жизни «красивой». Потом на совещании судья не сразу высказывает свое мнение, а сначала спрашивает мнение заседателей. Окончательное решение принимается большинством голосов — значит, судья может оказаться в меньшинстве.

Разобраться с психологическими причинами правонарушения не менее важно, чем с социальными. Франсуаз рассказывает историю взрослого человека, который постоянно, как только выпивал, ссорился с водителями автобусов и был неоднократно судим за это. Объяснить свое поведение он никак не мог. Франсуаз спросила, а что у него связано с городским транспортом в прошлом, может быть, авария? Что-то случилось с ним, с его близкими? Оказалось, давным-давно его брат погиб в автомобильной аварии, виноват был шофер автобуса. Но сам правонарушитель не мог установить связь между прошлой историей и своим поведением сегодня, своими безрассудными вспышками гнева...

Франсуаз замечает, что очень часто истории подсудимых трогательны и судья должен сочувствовать несчастьям этих лю-

дей, так его решения будут более человечными. Франсуаз считает, что большинство молодых судей не знают, что такое страдание. Жизненный опыт заставляет судить более вдумчиво и гибко.

В небольшом городке с 60 тысячами жителей Франсуаз иногда встречает тех, кого судила, и у них нет на нее обид, с ними можно говорить о том, что они пережили в заключении, об их сегодняшней жизни.

В завершение нашей встречи Франсуаз говорит о двух сторонах добра и зла, о том, что судье, как и психологу, надо знать меру человеческих страданий. Работа судьи требует огромной эмоциональной отдачи, и сейчас ей кажется, что она не выдерживает этой нагрузки и хочет перейти на другую работу.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Центр для подростков в очень трудной жизненной ситуации — LAURENFANCE («Вальдокко»), Лион

В центре LAURENFANCE интересно все: сочетание интерната с центром дневного пребывания, общие обеды взрослых и детей, их непосредственное общение. Мы могли наблюдать неподдельный интерес взрослых к совместным занятиям: к примеру, решили повторить старинную игру по найденному в Интернете описанию, и все вместе — взрослые и дети — увлеченно изучают чертежи, выпиливают, шлифуют, монтируют. Кроме занятий в столярной мастерской, можно, по желанию, обучаться садоводству или участвовать в ремонтных работах — ремонт здания осуществляется силами воспитателей при участии воспитанников. Мы обратили внимание, что педагог, общавшийся

www.le-valdocco.fr/laurenfance/

с нами еще накануне вечером и сегодня показывающий нам интернат, оказался священником.

Центр существует два года. Он занимает два небольших особнячка, подаренных частным лицом. Они находятся в буржуазном пригороде на юге Лиона («трудные» кварталы — на востоке).

В центре два отделения: интернат и «Дневной прием». Одни ребята здесь живут, другие — приходят на день, с 9 до 17 часов. В интернате (начальник службы — Сандрина Фортина (Sandrine Fortina)) живут только мальчики. Всего в нем шесть мест, а также одно резервное, которое используется социальной службой или судом в экстренных случаях.

Интернат работает круглые сутки и круглый год. Дети поступают на разные сроки — как назначено судьей: 3 месяца, 6 месяцев, год или «до конца учебного года». Жизнь в интернате похожа на жизнь в семье. Сотрудники стремятся, чтобы подросток максимально себя обеспечивал, его готовят к возврату домой или к самостоятельной жизни.

Судье и социальной службе регулярно предоставляется информация о том, как живет и что делает каждый подросток в центре.

Отделение «Дневной прием» (начальник службы — Люк Эрпель (Luc Negroel)) рассчитано на 12 человек (13–16 лет, тут смешанная группа — и мальчики и девочки). Подростки приходят сюда или по решению социальных служб, или по решению судьи.

Для каждого подростка составляется индивидуальная программа, которая учитывает все его трудности, при этом соблюдаются пять основных принципов:

- сохранить, восстановить отношения подростка со своим прошлым, семьей, кварталом — и вместе с тем «принять дистанцию» по отношению ко всему этому;
- дать возможность подростку осознать и принять свою собственную историю;
- развить самоуважение и самовыражение подростка (перед теми, кто прибег к насилию, ставится вопрос: нет ли другого способа показать себя?);
- помочь подростку научиться соблюдать правила в группе — это очень важно, ведь потом ему придется жить в обществе;

- обеспечить подростку получение общего и профессионального образования.

Директор центра LAURENFANCE Жан-Мари Петиклер подчеркивает, что проект отвечает нуждам властей и главная задача — создать атмосферу доверия к взрослым, атмосферу, в которой каждый учится знакомиться с самим собой и жить, уважая других.

Не все ребята с желанием приходят сюда, и первое время с ними бывает очень трудно. Воспитатели, не скрывая, рассказывают о сложностях, которые возникают сразу же при поступлении: часто подросток хочет проверить, можно ли им доверять, и для этого устраивает конфликтные ситуации.

Кто бы у нас стал затевать организацию центра для такого ничтожного количества детей! Но самое большое впечатление на нас произвело то, что здесь на одного подростка приходится 5–6 взрослых: воспитатели, преподаватели, психологи, в основном — молодые люди.

Институт подготовки социальных педагогов — Институт Сен-Лорана

Институт Сен-Лорана (L'Institut Saint-Laurent) создан в конце Второй мировой войны (в 1944 году), это самая старая школа подготовки социальных педагогов. После войны в трудном положении были многие дети, для решения их проблем нужны были специалисты. Сестры конгрегации «Салезианцы Дона Боско» были первыми учителями. В 1953 году начали готовить воспитателей, а в 1970 году был выдан первый государственный диплом. www.institutsaintlaurent.com

В институте два типа учеников:

– выпускники средней школы, в основном девушки, для них обучение бесплатное (за них платят власти);

– уже работающие мужчины и женщины, им повышение квалификации оплачивают по месту работы.

Поступление в Институт происходит на конкурсной основе: надо написать очерк, по которому будет виден уровень владения французским языком, сфера общих и специальных интересов абитуриента, а также нужно пройти собеседование со специалистом социального сектора и психологом.

Во Франции обучение воспитателей двухступенчатое:

– Воспитатель (2 года обучения).

Для детей-инвалидов и взрослых-инвалидов или детей и взрослых в трудной жизненной ситуации. Воспитатель будет работать в учреждениях разного типа.

– Воспитатель-специалист (3 года обучения). Тоже для детей-инвалидов и взрослых-инвалидов или детей и взрослых в трудной ситуации, но он будет работать не только в учреждениях разного типа, но и в «открытой среде». Сейчас в Институте Сен-Лорана проводится только двухгодичное обучение воспитателей, но планируется обучение воспитателей-специалистов.

Во время обучения студенты проходят практику в интернатах и других учреждениях, но обязательно одно учреждение должно относиться к медико-социальному сектору, а другое — к социальному сектору. Изучаемые дисциплины: психология, социология, педагогика, право, философия, арт-терапия. Мы видели результаты занятий арт-терапией — фантастические маски, украшающие лестничные стены.

Самое главное, подчеркивают сотрудники Института, что в основе обучения лежит индивидуальный педагогический подход к каждому студенту для развития в нем умения профессионально и социально «включаться» в жизнь неблагополучных

слоев населения, которые, к слову сказать, в значительной степени состоят из «приезжих», то есть людей, проживающих во Франции на протяжении максимум двух поколений, чаще всего — мусульман.

Судьи для несовершеннолетних

Благодаря уважению, которое все питают к Жан-Мари Петиклеру, нам была оказана большая честь — нас пригласили во Дворец юстиции для встречи с судьями и прокурорами по делам несовершеннолетних.

Судей было трое: госпожа Неймар (Neumarс), госпожа Даллуин (D'Halluin), госпожа Созаре (Sauzaret). Чувствуется команда — они стараются объяснить нам все досконально, дополняют друг друга.

В основе их работы с подростками все то же — воспитание.

Нам рассказали о создании во Франции после Второй мировой войны ювенальной юстиции и ювенальных судов, где главная идея — это установка на главенствующее значение «контекста» существования подростка, конкретную историю и личность каждого. Напомним, подростка во Франции можно судить с 13 лет и назначить заключение в центре закрытого типа с 13 лет. И сейчас общий ювенальный судья следит за «контекстом», но законодательство для несовершеннолетних все больше приближается к взрослому, ужесточается, чаще предлагает репрессивные меры.

К примеру, в постановлении 1945 года говорилось, что судья должен подробно изучить условия жизни ребенка, чтобы учесть все стороны ситуации, в которой он оказался, и только тогда принимать меры. А сейчас торопят — быстрее! И если раньше безусловным приоритетом были воспитательные меры, сейчас — неустойчивое равновесие, 50 на 50, «защита детей» против «наказания» (это не статистические данные, поясняют судьи, цифры приводятся на основании их опыта). «Наши судьи эту тенденцию не приветствуют».

Их беспокоит очень строгий подход к повторным правонарушениям. Если подростку в июне назначают воспитательные меры, а в сентябре-октябре правонарушение повторяется, прокурор упрекает: «Нужно было сразу жестко наказать! Не наказали в первый раз — и вот вам!»

Надо заметить, что французский закон говорит: у каждого несовершеннолетнего должен быть защитник. Если у семьи нет денег, они вправе требовать от государства оплаты адвоката и государство берет на себя расходы. В Лионе считают, что адвокатов для всех несовершеннолетних, нуждающихся в защите, достаточно.

Наши собеседники подчеркивают: «Очень важно, что французское законодательство уделяет большое внимание защите несовершеннолетних правонарушителей — в филиалах адвокатских коллегий работают особые комиссии адвокатов, которые являются специалистами по защите несовершеннолетних. Это положительное изменение последних лет. И очень важно, что адвокаты постоянно напоминают судьям, что перед ними — несовершеннолетний! Судьям необходимо это учитывать».

Что касается возраста несовершеннолетних правонарушителей, то любой подросток, независимо от возраста, может предстать перед ювенальным судьей; но только по достижении им 13 лет ювенальный судья может назначить ему наказание или другую альтернативную меру. До 13 лет ювенальный судья до недавнего времени назначал только воспитательные меры. В марте 2002 года вышел новый закон, согласно которому к несовершеннолетним в возрасте от 10 до 13 лет можно применять наказательные меры (так называемые воспитательные санкции).

Если **воспитательные меры** предполагают возвращение к родителям, выговор, возмещение вреда, кураторство, воспитательную опеку, назначение судебной протекции, помещение в учреждение и др., то **воспитательная санкция** — это, например, возмещение убытков или оказание помощи пострадавшим, запрет на посещение отдельных мест или общения с определенными людьми и др.

По отношению к несовершеннолетним старше 13 лет суд может назначить **наказание**: срок лишения свободы с отсрочкой или без отсрочки, штраф, общественные работы (для несовершеннолетних старше 16 лет). Средний срок лишения свободы для несовершеннолетних составляет 1 месяц.

Приведу пример: несовершеннолетний разбил лампу в метро. Проводится расследование, и при изучении обстоятельств становится известным, что в семье ситуация неблагоприятная (разногласия, нет контакта между родителями и ребенком). В этом случае назначается представитель, который приходит в семью несовершеннолетнего. Он может до суда назначить восстановительную меру — подросток, его родители и представитель службы метро встречаются, обсуждают ситуацию и принимают решение, что подросток должен починить лампу. Если окажется, что для него этого недостаточно, то может быть принято решение о направлении его в какую-либо общественную организацию для выполнения общественных работ.

Если подросток в возрасте от 13 до 18 лет совершил кражу впервые, его только предупреждают. Ювенальный судья должен принять все меры, чтобы избежать наказания. Семья и несовершеннолетний должны возместить ущерб, что зависит и от суммы убытков, и от возможностей семьи. Если у родителей есть страховка по гражданской ответственности, платит страховщик. Все решается индивидуально в каждом случае, но с 13 лет подросток должен сам нести ответственность и возмещать ущерб. (Садовникова М. Как работает ювенальная юстиция во Франции // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2006. № 8)

Французское законодательство по несовершеннолетним говорит, что:

- всегда надо иметь в виду семью и родителей, даже если ребенок является жертвой родителей, жертвой насилия в семье, родители не перестают принимать участие в судьбе ребенка (насколько это сложный вопрос, вы увидите из описания нашей последней встречи с воспитательницей и отцом ее подопечной);
- родители в первую очередь должны воспитать и защитить ребенка; если возникают проблемы — есть много социальных служб, куда они могут обратиться, но если уж и они не справляются, тогда обращаются в суд.

Мы спросили, как в таких случаях семьи воспринимают решение судьи? В гражданском кодексе предусмотрена необходимость получить согласие родителей с решением судьи, но бывает, что приходится обходиться без него. Всегда, когда речь идет о защите ребенка, на первом месте решение судьи. Судьи вступают во взаимодействие со школой и с семьей.

Законы 2002–2007 годов говорят, что ребенок, его интересы ставятся во главу угла.

Но за последнее время место ребенка в обществе изменилось. Сейчас огромное число детей не ходит в школу, хотя создано много интернатов, существуют и другие формы получения образования.

Нужны воспитательные меры, а у социальных учреждений сокращаются бюджеты; изменилось и качество правонарушений (наблюдается рост посягательств на личную неприкосновенность) — тут сказывается проблема иммиграции и интеграции в общество, которую сейчас пытаются решить во всех европейских странах.

Но в принципе отношение к ребенку остается прежним — его всегда надо защищать.

Если ставится вопрос о лишении свободы, то вместе с судьей решение принимает воспитатель. Если судят несовершенно-

летнего, то всегда ищут альтернативу тюремному заключению. К лишению свободы прибегают только в крайних случаях — когда совершаются преступления против личности, убийства, насилие или повторные тяжелые правонарушения.

В огромном здании суда мы обратили внимание на уголки с игрушками для самых маленьких и с детскими книжками — пока взрослые решают свои проблемы, детям есть, чем заняться.

Встреча с прокурором республики Марком Десером и ювенальным прокурором Лоранс Кристофль

После встречи с судьями мы перешли в кабинет прокурора. У него все четко, все разложено по полочкам, он говорит об ужесточении наказаний — этого требует общество, — но потом опять появляется «приоритет воспитания», и уже не верится, что это слова прокурора — адвокат, да и только...

Прокурор республики Марк Десер (Marc Desert), довольно молодой мужчина, спортивного вида, строгий и дружелюбный одновременно, не скрывает, что у правонарушений несовершеннолетних есть национальность и понятно какая, то есть та же самая нерешенная «проблема приезжих». Ювенальный прокурор Лоранс Кристофль (Laurence Christophle) — молодая женщина, вторит прокурору республики, но выглядит несколько строже, наверное, продемонстрировать большую милосердную справедливость позволительнее высоким чинам.

Специально для нас уточняются главные положения французской системы правосудия для несовершеннолетних:

- 1) уголовные процедуры;
- 2) защита несовершеннолетних в опасности.

Прокурор объясняет, что во Франции ювенальную юстицию в основном упрекают в том, что она недостаточно жесткая. Считают, что из-за этого происходит рост подростковой преступности.

Но однозначно с этим согласиться нельзя — общество меняется. Действительно, статистика говорит, что правонарушителей становится все больше и больше, но надо иметь в виду систему учета — раньше многие случаи разрешались «мирным путем», вопрос правонарушений в школе решался директором, теперь проблемы даже очень маленьких детей требуют вовлечения органов правосудия, то есть насилия может быть не больше, но изменилась реакция на него. К тому же теперь кражи чаще связаны с насилием, раньше легче было украсть, к примеру, яблоки или угнать машину, теперь нарушителю приходится преодолевать сложную систему защиты.

Вот в общих чертах портрет несовершеннолетнего правонарушителя: это мальчик от 14 до 16 лет, в школе учится плохо, неполная семья (только один родитель), иммигрант во втором или третьем поколении.

Какой же подход к несовершеннолетнему правонарушителю? Тут система мер — его нельзя просто наказать, очень важны предварительные меры воспитательного воздействия. Речь идет не только об уголовной ответственности, но и об изъятии детей из семьи, что происходит очень редко, только в крайних случаях — такое решение принимает ювенальный судья исходя из семейной ситуации и при повторении правонарушений.

С сентября 2002 года несовершеннолетний несет уголовную ответственность с того момента, как он способен рассуждать, но до 13 лет могут быть применены только воспитательные санкции или меры (а не уголовные). С 13 до 16 лет подростка судит суд для несовершеннолетних, а в случае тяжкого преступления — суд присяжных для несовершеннолетних. Прежде чем принять меры, прокурор спрашивает мнение воспитателей.

Вот один пример: девушка убила женщину, мать семейства, судья назначил предварительное заключение — досудебный арест. Но она может быть освобождена до суда, в зависимости от того, сочтет ли судья убедительным и выполнимым ее собственный проект, который составила девушка вместе с воспитателем, — как ей организовать свою жизнь: работать, учиться, чем помочь семье погибшей женщины.

В случае не очень серьезных нарушений (простая кража, например) важно, говорит прокурор, чтобы человек второй раз не совершил что-нибудь. Надо сразу реагировать, время, когда применяют меры, должно быть минимальным, долго ждать нельзя. Очень важны возраст ребенка и понимание возрастных проблем. «В свое время я тоже дрался», — сказал прокурор.

Несовершеннолетних стараются размещать в специальных тюрьмах: там камеры на одного человека и много воспитателей.

Прокурор подчеркнул, что больше 80 % несовершеннолетних, получив санкцию, не появляются снова перед судьей, а от 10 до 20 % регулярно повторяют правонарушения.

Для профилактики повторных правонарушений очень важна работа после освобождения. Очень часто причины преступлений коренятся в неблагополучии семьи, школьных проблемах.

Реакция на то, что несовершеннолетний нарушает правила, может быть на трех уровнях:

- **В семье.** Очень важно работать с семьями, ведь трудные подростки часто из неблагополучных семей, родители не работают, днем пьяные. Кого наказывать — ребенка? родителей? Воспитательные меры нужны на уровне дома, на уровне родителей, но не надо недооценивать опасность вовлечения других подростков и совершения новых преступлений.
- **В школе.** Подросткам необходимо соблюдать школьные правила, но оказывается, что сейчас сообщают в полицию о происшествиях, на которые раньше можно было отреагировать в рамках школы. Прокурор считает, что и в настоящее время в большинстве случаев директор школы может сам решать проблемы, не стоит обращаться в полицию.
- **В суде.** Совершил преступление, тем более тяжкое, — надо отвечать. Максимальный срок, который могут присудить несовершеннолетнему, — это половина взрослого срока за аналогичное преступление. Бывают исключения в сторону увеличения, но редко. Большинство судей не идут на это, считают, что и так очень строго.

Надо отметить, что в ходе беседы прокурор затронул еще два момента, совпадающих с нашими реалиями:

- 1) во Франции несовершеннолетний иногда берет вину на себя, чтобы выгородить своих взрослых подельников;
- 2) среди юных правонарушителей наблюдается тенденция к увеличению количества девушек¹⁴.

¹⁴ Познакомившись с текстом, прокурор М. Десер не подтвердил это наблюдение.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Институт детства и семьи департаментa Рона — IDEF du Rhône

Институт детства и семьи департамена Рона (Institut départemental de l'Enfance et de la Famille du Rhône) находится в огромном парке на окраине Лиона. Зеленые газоны (в январе-то!), ели и сосны, огромные платаны и другие деревья, ветки в основном голые, но кое-где даже зеленая листва с ягодами, а не только засохшие листья, и небольшие уютные лужайки со скамейками, и детские площадки, огороженные аккуратно подстриженными кустами.

Несколько белых одно- и двухэтажных корпусов, к ним ведут извилистые асфальтовые дорожки.

Нас принимает директор Эрик Ножа (Eric Noja), он рассказывает о задачах института:

- Принимать в срочном порядке несовершеннолетних, живущих в департаменте Роны и оказавшихся в трудном положении (в рамках «защиты детства»).
- Принимать беременных несовершеннолетних и молодых матерей с маленькими детьми (до 3 лет), оказавшихся в очень трудном положении.
- Оценивать положение несовершеннолетних в трудном положении и оказывать им социальную и воспитательную помощь, восстанавливать связь с семьей.
- Стремиться к возврату несовершеннолетнего в семью или предлагать помещение в приемную семью или в интернат.
- Организовывать расписание дня и распределять служебные обязанности для того, чтобы дежурные Института принимали нуждающихся и поддерживали приемных родителей департамента круглые сутки.

По закону такие центры должны быть в каждом департаменте Франции.

Кроме IDEF, в департаменте Роны есть еще 80 учреждений, принимающих несовершеннолетних на короткое или продолжительное время, в зависимости от ситуации, в которой оказывается несовершеннолетний. Эти учреждения вместе с IDEF составляют партнерскую сеть для защиты несовершеннолетних, существует специальный договор о том, что в каждом учреждении оставляется 1–2 места для срочного приема — это централизованная система для всего департамента. Институт детства и семьи руководит партнерской сетью.

В марте 2007 года было принято законодательство, в котором прописан ряд мер по сбору информации о проблемах в семье. Обязанность любого гражданина — сообщать о проблемах в семьях, и, узнавая об этих проблемах, местные власти должны обязательно предложить помощь семье:

- в случае ограниченного достатка в семье родителей учат эко-

- номить, справляться с бюджетом, с материальными проблемами, правильно платить за квартиру, добиваться субсидий;
- если есть проблемы в воспитании детей, с согласия семьи предлагают оказать воспитательную помощь в семье (АЕМО)¹⁵;
 - если дело касается здоровья ребенка, прибегают к услугам служб защиты материнства и детства.

Помещение несовершеннолетнего в приемную семью или в интернат происходит только после того, как были приняты предварительные меры, при этом обязательно согласие семьи: если семья не соглашается, включается юридическая защита.

Однако в самых серьезных случаях (в случае изнасилования, например) обращаются к прокурору, и он сразу организует срочные меры по защите несовершеннолетнего и помещение его в Институт детства и семьи. В срочных случаях временное помещение предусмотрено только на 15 дней. Если появляется необходимость продления срока, дело передается ювенальному судье, который принимает решение.

Семья или опекуны могут просить поместить ребенка в социальный интернат (такой, как Институт), чтобы обеспечить его защиту и развитие.

Руководство Института:

- директор и заместитель директора;
- пять начальников воспитательной службы, ответственных за девять отделений для детей и подростков, а также за прием «вне стен»;
- два начальника воспитательной службы, ответственных за четыре отделения для беременных несовершеннолетних и для молодых матерей с ребенком;
- врач и его заместитель, ответственные за ясли и здоровье всех несовершеннолетних, проживающих в Институте;
- начальник воспитательной службы, ответственный за срочный прием и за направление детей и подростков в 80 партнерских учреждений.

¹⁵ См. примечание 6, стр. 5 настоящего сборника.

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ 2010 ГОДА

Ясли:

- 130 детей младше 3 лет были приняты в течение года.
- 65 % были приняты в рамках судебного постановления, 15 % по просьбе или для поддержки их родителей и 20 % в качестве воспитанников. Год был отмечен увеличением числа воспитанников по сравнению с предыдущим.
- Средние сроки пребывания были продлены в связи с комплексными проблемами социального и/или медицинского характера: преждевременные роды, тяжелые последствия дурного обращения.

«Очаг», или Центр детства:

- в 2010 году было принято 418 детей и подростков от 3 до 18 лет. Для сравнения, в 2009 году их было принято 389. Это связано с увеличением количества мест в отделении срочного приема и с сокращением сроков пребывания во всех воспитательных группах.

«Прием матери с ребенком»:

- в 2010 году в Центре побывали 23 женщины, из них 17 несовершеннолетних и шесть совершеннолетних, средний возраст молодых мам — 16,4 года. Самое главное в работе с молодыми мамами, большинство из которых девочки-подростки с неустойчивой психикой, — разбудить в них чувство ответственности, воспитать самостоятельность.

Практически все жизненные ситуации, из-за которых подростки попадают в IDEF, очень драматичны — 80 % подростков помещены в рамках судебной защиты по решению прокурора или ювенального судьи.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ В ДЕПАРТАМЕНТЕ РОНЫ:

- В департаменте Роны молодежь составляет 22,5 % всего населения, то есть приблизительно 382 000 человек.
- Из них 10 700 (2,6 %) несовершеннолетних находятся под социальной или соцвоспитательной защитой (исключая финансовую поддержку) и 4400 изъяты из семьи по административному решению (900) или по судебному решению (3500). Несовершеннолетние помещены в приемные семьи или в учреждения (детские дома, интернаты) приблизительно поровну, многие чередуют проживание в родной семье и в учреждениях.

Это явно показывает, что государство совсем не имеет целью изъятие детей из семьи.

На плакатике написано: «Если ты ложишься спать поздно, завтрашний день будет испорчен».

Закон от 2 января 2002 года дает новые права тем, кто пользуется социальной защитой, укрепляет роль родителей в связях с представителями социальной защиты детства. Эти представители должны в первую очередь стремиться к тому, чтобы родители согласились с предлагаемыми административными социальными мерами защиты, прежде чем инициировать судебную процедуру.

Как правило, родители подписывают все соглашения, сотрудники IDEF оценивают психическое состояние и здоровье ребенка и, когда это возможно, приглашают ро-

дителей — они должны знать о здоровье, об успехах в школе. Кстати, школа находится неподалеку, она не входит в состав IDEF. А на стенке в Институте висит плакатик, напоминающий родителям, которые пришли повидаться с ребенком, что необходимо уложить ребенка спать вовремя.

Как нам пояснили сотрудники Института, такое учреждение, как IDEF, может оказывать действенную помощь в срочном приеме, только если несовершеннолетние помещаются ненадолго (желательный срок — несколько дней или недель, но не более 3–6 месяцев). Хотя бывают сложные случаи и дети остаются в Институте надолго, до года или даже больше, если наблюдаются тяжелые психические и интеллектуальные проблемы.

Региональное управление судебной защиты молодежи — PJJ¹⁶

В Региональном управлении судебной защиты молодежи (Protection judiciaire de la Jeunesse — PJJ) мы возвращаемся к послевоенной истории — истории создания ювенальной юстиции. Патриция Руссо (Patricia Rousson), директор управления, объясняет нам, что развитие судебной защиты молодежи тесно связано с развитием уголовного права несовершеннолетних и с его постепенной специализацией.

Уже в 1912 году во Франции был создан первый специализированный суд по делам несовершеннолетних, но решающий поворот во французской системе защиты молодежи произошел в 1945 году. 2 февраля 1945 года был принят Ордонанс № 45-174 о правонарушениях несовершеннолетних, устанавливающий три основных принципа:

- Специализация судей, которые должны заниматься исключительно делами несовершеннолетних.

¹⁶ Особая благодарность Патриции Руссо, директору PJJ; краткое описание нашей беседы она впоследствии дополнила подробным рассказом об организации судебной защиты молодежи во Франции.

- Смягчение уголовной ответственности для несовершеннолетних. Ко всякому несовершеннолетнему следует применить санкцию, соразмерную содеянному, и штрафы и сроки не должны превышать половины тех, что предусмотрены для взрослых правонарушителей.
- Воспитательные меры предпочитаются карательным.

По Ордонансу от 1 сентября 1945 года в Министерстве юстиции Управление воспитания несовершеннолетних, находящийся под надзором (*Direction de l'Education surveillée*), становится отдельным Департаментом в пенитенциарном Управлении. По постановлению 90-166 от 21 февраля 1990 года оно получило название — Управление судебной защиты молодежи (*Protection judiciaire de la Jeunesse — PJJ*)¹⁷.

Ордонанс от 23 декабря 1958 года расширил поле полномочий судьи по делам несовершеннолетних по воспитательной помощи: «Возможность вмешательства судей и института судебной защиты распространяется на всех детей, чье здоровье, безопасность или нравственность находятся под угрозой и чье воспитание находится в опасности»¹⁸.

Применение «Мер по защите неблагополучных детей» основывается на статье 375 и следующих за ней статьях Гражданского кодекса: «Если здоровью, безопасности или нравственности несовершеннолетнего ребенка, не являющегося полностью дееспособным, угрожает опасность или если условия его воспитания серьезно нарушаются, меры по его защите могут быть назначены именем правосудия».

¹⁷ Региональное управление судебной защиты молодежи является одним из управлений Министерства юстиции. Кроме того, существуют как региональные управления судебной защиты молодежи, так и управления департаментов. (Франция делится на 22 региона и 96 департаментов.) В результате реформы 2010 года произошла децентрализация Службы и она разделилась на межрегиональные управления и территориальные службы. В зависимости от направлений деятельности одно территориальное управление может охватывать или только один департамент, или несколько департаментов одного региона, или целый регион. (Садовникова М. Как работает ювенальная юстиция во Франции // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2006. № 8)

¹⁸ Садовникова М. Как работает ювенальная юстиция во Франции // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2006. № 8.

СИСТЕМА ЗАЩИТЫ МОЛОДЕЖИ ПОСТРОЕНА ТАК:

- **Задача обеспечения защиты прав ребенка прежде всего лежит на его родителях.** Статья 371-2 Гражданского кодекса определяет ее как исключительное право, которым наделены родители: «...родительские права принадлежат отцу и матери для защиты интересов ребенка по вопросам, связанным с его безопасностью, состоянием здоровья и морально-нравственным воспитанием. Они имеют право и обязаны защищать ребенка, следить за ним и заниматься его воспитанием». Родители не могут ни отказаться от этих исключительных прав, ни передать их третьим лицам.
- **Административная защита ребенка назначается** только в случаях, когда родители, осознавая появившиеся у них трудности, сами обращаются за помощью или дают согласие на вмешательство компетентных структур и помощь с их стороны. В такой ситуации родителям предлагается осуществить ряд мер, а для ребенка создаются условия, позволяющие ему жить в родной семье в нормальных условиях. Такой порядок не применяется в случаях жестокого обращения с ребенком или если здоровье и жизнь ребенка подвергаются опасности.
- **Судебная защита ребенка назначается,** когда есть подтверждение того, что ситуация принимает опасный характер для ребенка (в этом случае судебный орган требует от семьи выполнения определенных мер) или что в отношении ребенка совершено уголовно наказуемое деяние.

ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДЕЖИ:

- Участие в разработке и применении положений о несовершеннолетних правонарушителях или детях в опасности: проектов законов, постановлений и т.д.
- Помощь судьям в решениях о несовершеннолетних правонарушителях или о детях в опасности, особенно в оценке личности и положения несовершеннолетних.
- Выполнение решений (прежде всего уголовных) судов, с опорой на учреждения и службы государственного сектора, а также на общественные организации, которые берут на себя более 2/3 случаев, связанных с неблагополучием несовершеннолетних. Они занимаются помещением детей и подростков в специализированные учреждения или работают в «открытой среде» (300 государственных и 1200 общественных организаций, получивших «разрешение на осуществление деятельности от Министерства юстиции»).
- Наблюдение и контроль за несовершеннолетними в заключении.
- Мониторинг и оценка деятельности всех учреждений — государственных и негосударственных, принимающих несовершеннолетних по решению суда.

В Управлении судебной защиты молодежи, сотрудничающем с министерствами образования и здравоохранения, ежедневно работают профессионалы: воспитатели, социальные работники, психологи и специалисты разного профиля.

Как происходит задержание несовершеннолетнего подозреваемого?

Как правило, ребенок младше 13 лет подвергается только простому допросу. Но в исключительных случаях и только если против него существуют серьезные улики, позволяющие предположить, что он совершил или пытался совершить преступление или тяжкое правонарушение, карающееся минимум пятью годами лишения свободы, судебной полицией может быть задержан ребенок от 10 лет.

Задержание разрешается только в тех случаях, если оно является единственным средством достижения одной или нескольких из следующих целей:

- проведение допроса, требующего присутствия или участия несовершеннолетнего;
- встреча несовершеннолетнего с прокурором, чтобы прокурор принял решение о продолжении допроса;
- препятствование искажению несовершеннолетним фактических доказательств;
- препятствование оказанию несовершеннолетним давления на свидетелей, жертв или на их семьи или близких;
- препятствование связи несовершеннолетнего с соучастниками;
- обеспечение мер, направленных на прекращение преступной деятельности.

От возраста несовершеннолетнего (до 13 лет и от 13 до 16 лет) зависят условия задержания, но общие правила следующие:

- о задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители;
- срок задержания может быть продлен, только если задержанный был представлен прокурору, следственному судье или судье для несовершеннолетних;

- использование аудио- и видеозаписи во время допросов несовершеннолетних обязательно, отказ несовершеннолетнего или родителей не возможен.

Для несовершеннолетних 13–16 лет:

- срок задержания не может превышать 24 часа; срок может быть продлен, только если несовершеннолетний совершил или пытался совершить преступление или тяжкое правонарушение, карающееся минимум пятью годами лишения свободы;
- обязателен медицинский осмотр; медицинское свидетельство о том, что несовершеннолетний может быть задержан, подшивается к делу.

Для несовершеннолетних 16–18 лет:

- условия задержания те же самые, что и для подростков 13–16 лет, но срок задержания может быть продлен, если несовершеннолетний совершил или пытался совершить преступление или тяжкое правонарушение, карающееся минимум одним годом лишения свободы.

Что касается судебных последствий задержания, то в случае незначительных правонарушений прокурор республики может:

- назначить меры, альтернативные тюремному заключению, и тогда дело не доходит до судьи;
- принять решение направить дело ювенальному судье, и судья допросит подростка о поступках, в которых его обвиняют, расспросит о его положении (семейном, социальном) для того, чтобы или начать расследование по делу, или принять воспитательные или пробационные меры (например, судебный контроль) до суда.

Подросток будет судим с учетом как самого преступления, так и поведения, и у судьи будет выбор:

- или продолжать воспитательные меры — свобода под надзором, временное помещение в интернат, так называемая «дневная деятельность» для тех, кто не учился и не работал, возможна выплата штрафа;
- или передать дело в суд, если оказалось, что за этот период подросток не доказал, что исправился.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТЮРЬМА ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В случае заключения подростков стараются не увозить далеко от семьи; но в специальных тюрьмах для несовершеннолетних мест не хватает, и приходится помещать их в специальные «кварталы» для несовершеннолетних во взрослых тюрьмах и обеспечивать изоляцию от взрослых заключенных. Однако в этих случаях невозможно каждого подростка поселить отдельно, а желательно, чтобы у каждого была своя комната, во избежание «криминальной эпидемии».

В специальных тюрьмах для несовершеннолетних каждый обеспечен отдельной комнатой, подростки встречаются на занятиях и прогулках. Здесь легче обеспечить воспитательную деятельность, чем в отделениях при взрослых тюрьмах. В новых тюрьмах с 60 подростками работают 36 воспитателей.

В тюрьмах присутствуют представители трех министерств:

- Министерства юстиции (сотрудники Управления судебной защиты детства — воспитатели, психологи);
- Министерства образования (учителя, до 16 лет дети обязаны учиться);
- Министерства здравоохранения (дантист, психиатр и другие врачи, которые отвечают за все, что касается медицины).

Пенитенциарная администрация (надзиратели) — это тоже Министерство юстиции, которое отвечает за управление всеми тюрьмами Франции (кстати, место работы надзиратели и охранники выбирают сами, и, по общему мнению, в тюрьме для несовершеннолетних работать труднее, чем со взрослыми заключенными).

В специальной тюрьме для подростков можно организовать расписание таким образом, что ребята будут заняты целый день. Сейчас внедряется новая форма работы — надзиратель работает вместе с воспитателем.

Большую роль в жизни тюрьмы играют волонтеры — GENEPI, группы «посетителей тюрем» и другие организации, они занимаются библиотекой, перепиской с заключенными.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Центр закрытого типа для трудных подростков в Сан-Дени ле Тибул

Мы едем в Центр закрытого типа для трудных подростков. Таких центров во Франции 43. Кажется много, но на самом деле их не хватает, с сожалением говорят наши спутники — директор Acer-Russie Александр Ельчанинов, его сотрудница Вероник Оже (Véronique Ogé) и наша верная Катрин Ле Ру. Понятно, что больше возможностей вернуть правонарушителя в общество по-

сле отбывания наказания здесь, а не в тюремных условиях. Однако для некоторых воспитанников следующим этапом их криминальной биографии оказывается именно тюрьма.

Долгая дорога на автомобиле, равнинные пейзажи постепенно меняются пригорками, далекими холмами. В деревушках постепенно появляется фахверк, разноцветные ухоженные поля. Безукоризненного качества дорога, чистота и полнейшее безлюдье: только одна девушка голосует, полдюжины бодрых старичков с лыжными палками идут нам навстречу, и всего несколько человек нам встретились в маленьком сонном городке, где мы обедали. По дороге видели дворец, где родился один из французских королей, потом остановились возле большого храма, вокруг него обошли, никого не встретив... А местность становится все более гористой, мы въезжаем в Нормандию.

Центр расположен недалеко от Руана в живописном местечке с названием Сан-Дени ле Тибул. Вот и сам Центр, мы видим его сквозь деревья парка, он размещается в небольшом замке¹⁹.

Мы приехали по специальному разрешению, по сигналу директора нам открывают ворота. Невдалеке среди деревьев мы видим нескольких воспитанников, чем-то занятых под присмотром взрослого. Сад окружен двумя рядами колючей проволоки, но никаких других защитных сооружений незаметно, но есть, конечно же, не бросающаяся в глаза система сигнализации и слежения...

Этот Центр — в числе лучших во Франции, рассказывает нам заместитель директора; он открылся в 2003 году, в нем постоянный состав сотрудников — сработавшаяся опытная команда. Деятельность Центра (включая коммунальные услуги) финансируется Министерством юстиции Франции.

Обычно в таких центрах проживает до 12 человек, в этом — восемь несовершеннолетних от 13 до 16 лет.

Эти ребята — рецидивисты, объясняют нам, но это слово, так жестко и неприятно звучащее по-русски, здесь не кажется таким

¹⁹ Неподалеку под Руаном есть такой же центр для девочек на 12 человек.

устрашающим. Нам поясняют — просто они уже неоднократно совершили правонарушение. И попали сюда или в рамках судебного контроля (до суда), или после суда (условное осуждение с установлением испытательного режима). Как сказал заместитель директора Центра, нахождение здесь — альтернатива тюрьме, это их последний шанс.

Они содержатся здесь 6 месяцев, и еще максимум на 6 месяцев срок может быть продлен.

Приговор об отправлении в такой центр выносит ювенальный судья, он же утверждает предложенную воспитателями частоту встреч с семьей, количество телефонных звонков. Обычно в начале пребывания подростки имеют право на звонок семье раз в неделю в определенное время, а потом уже станет ясно, какое время более удобно для семьи.

В первый месяц нахождения в Центре подростка тестируют — надо познакомиться, узнать, кто он такой. Стараются со-

ставить представление о его прошлой жизни, особенностях личности, подробно выясняют, из какой он семьи, социальной среды, спрашивают, чем интересуется, какие у него спортивные предпочтения.

Здесь все занимаются спортом, физическим трудом, есть специальный участок с домашни-

ми птицами, кроликами — их ребята кормят, убирают за ними, чистят клетки.

После первого месяца знакомства с подростком воспитательная команда дает оценку (каждый специалист по своему профилю), и все вместе решают, на что делать упор — кого-то надо подтянуть по школьной программе, кому-то побольше заниматься ручным трудом, кому-то особенно важно регулярно встречаться с семьей. Для каждого подростка составляется своя программа, которую он выполняет в течение следующего месяца. После второго месяца оцениваются результаты и по необходимости пересматривается программа; через четыре месяца — еще один зачет.

Вот приблизительный распорядок дня:

- подъем в 7.30;
- завтрак в 8.15;
- уроки в школе начинаются в 8.30 (некоторые ребята учатся в Центре, трое ходят в соседнюю школу, воспитатели их встречают и провожают);
- до обеда идут уроки и профессиональная подготовка, обучение в мастерских (столярное дело и ландшафтный дизайн);
- после обеда опять уроки и мастерские, и так до 16 часов (между занятиями перерывы по 15 минут);
- после 16 часов с ребятами занимаются воспитатели;
- в 22.30 — отход ко сну.

В Центре во всем стараются соблюдать ритм и правила обычной жизни, но есть ограничения: первые два месяца после направления подростка в Центр ему запрещено покидать территорию Центра. После трех месяцев проживания воспитанник может выехать на выходные к семье, если воспитатели примут решение о такой возможности. Но если в анамнезе указано «сексуальное насилие в семье», подростку не будет предоставлена возможность поддерживать контакт с семьей, в таком случае, если судья решает, что общение с кровной семьей не件лезно, ребенку могут предложить общаться с приемной семьей.

В выходные подростки вместе с воспитателем занимаются своими хобби или принимают гостей — подростка может навестить семья.

Многие из подростков прошли через приюты, детские дома и, как правило, уже хорошо известны судьям. В основном попадают сюда те, кто жил в тяжелых семейных обстоятельствах, часто с одинокой матерью, не справлявшейся с воспитанием. Они не привыкли подчиняться никаким запретам и не подчинялись, даже если мать пыталась их установить. Это трудные подростки, которые не понимают слово «нет».

За ребятами в Центре все время наблюдает психолог.

В случае совершения серьезного проступка воспитанника отправляют в другой центр или тюрьму по коллегиальному решению, в котором обязательно принимают участие все воспитатели и психолог (в случае необходимости приглашаются независимые психологи и психиатры). Формальное решение принимает судья.

Если через некоторое время становится очевидно, что избранная мера пресечения или наказания не принесла положительного результата, Центр обращается к судье, и судья рассматривает обоснованность обращения, ищет другие возможности — иногда приходится изменять санкцию. Это трудное решение — многие ребята уже хорошо знакомы судье.

Штат сотрудников Центра — 25 человек (директор и заместитель, педагоги, преподаватели, администраторы, повар, охрана), то есть на 8 воспитанников — 25 взрослых.

На одного подростка тратится в день 535 евро, включая аренду помещения, зарплату сотрудников и пр. (интересно, что содержание в тюрьме дороже, до 1000 евро).

У каждого подростка своя комната. В двух из них мы побывали с разрешения воспитателя. Это огромные, по московским масштабам, и очень светлые комнаты — метров 16–18: кровать, телевизор, письменный стол, полки, камин, раковина, в обеих — флаг Туниса. Кстати, заместитель директора Центра, кажется, арабского происхождения. Может быть, это неважно, но мы обратили внимание, что большинство воспитанников темнокожие, арабского вида, а большинство воспитателей — белые французы. Но, насколько мы смогли почувствовать, это не рождает противостояния.

В комнатах немного пустовато, огромные окна выходят в сад, мы видим одного из воспитанников, который наблюдает, как воспитательница нагружает тачку, везет и опрокидывает. Знакомая история, все подростки немного племянники тети Полли...

С ребятами мы не разговаривали, это не было оговорено условиями посещения, но мы просим рассказать историю, наиболее запомнившуюся нашему спутнику: мальчик, который не знал своих родителей, был изнасилован в детстве приемным отцом, это не было доказано, и мальчик впоследствии был сам осужден за насилие. Когда попал сюда, был замкнут, молчалив, почти не разговаривал. Только после шести месяцев пребывания в Центре стал говорить о том, что с ним произошло и что он натворил. Постепенно он научился не бояться взрослых, ему нашли другую приемную семью.

В Руане и окрестностях налажена система связи с приемными семьями благодаря организации «Гнезда» (Les Nids), есть также «открытые приюты» для работы с несовершеннолетними (такие, как Центр для подростков в очень трудной жизненной ситуации, о котором мы уже рассказали). Есть также квартиры —

это нейтральная территория, где подросток может встречаться с родителями, но в присутствии воспитателя (в случае, когда у родителей серьезные проблемы, например если они алкоголики). В соседнем Руане проводится семейная терапия с родителями, дети которых находятся в Центре. Задача — добиться того, чтобы каждый подросток нашел свое место в своей семье.

Это очень успешный Центр — нынешние «воспитанники» общаются с «бывшими», которые, уже со своими семьями, приходят сюда пообщаться с ребятами, рассказывают о своей судьбе. 70 % подростков, прошедших через Центр, начинают вести нормальную жизнь, повторно не арестовываются.

С благодарностью прощаясь с сотрудниками, мы говорим, что тут очень красиво и совсем не страшно, поневоле забываешь, что вокруг колючая проволока и любой проступок может быть наказан тюрьмой. Главное — свой подход к каждому ребенку, ответили нам.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Встреча с отцом «ребенка в трудной жизненной ситуации», рассказывает Марина Поливанова, психолог

Самое сильное впечатление из всех французских встреч на меня произвела встреча с семьей, состоявшаяся в конце нашей поездки, 31 января в 6 часов вечера, после нашего возвращения из Центра закрытого типа для трудных подростков под Руаном.

Наверное, потому, что она наиболее наглядно демонстрировала ювенальные практики Франции в действии, не отвлеченные схемы, а практику внедрения в живую, неповторимую, трагическую семейную коллизию. Я расскажу эту историю, как она мне запомнилась²⁰.

Когда мы вошли в квартиру госпожи Одиль (социального работника, сопровождавшего эту семью на протяжении 5 лет), там уже находился господинг К., с которым они не виделись последние 4 года, после того как Одиль ушла на пенсию. По ее просьбе К. любезно согласился прийти на встречу с нами.

К. сейчас 39 лет, он работает в мэрии Парижа кем-то вроде техника-смотрителя, он женат, у него 10-месячный ребенок — он показал нам фотографию малыша в телефоне и практически сразу стал рассказывать свою драматичную историю.

²⁰ Во Франции принято сохранять анонимность, поэтому имена и фамилии изменены.

Он родился в Португалии, его родители развелись, с 17 лет он жил самостоятельно, познакомился с девушкой на дискотеке — она была на 5 лет старше, тоже португалка — и в 20 лет женился на ней, так как она забеременела.

Они уже жили в Париже, когда родилась Софи. К. был очень привязан к дочке, но отношения с женой не складывались, они часто ссорились, он страдал. Тогда он работал в туристическом бизнесе, рекламировал различные путешествия, организовывал каникулы за границей на Средиземном море, ему нужно было всегда выглядеть веселым и спокойным, умение не выносить наружу свое раздражение помогало ему и в семейной жизни.

Постепенно отношения в семье стали невыносимыми, и, когда Софи было 8 лет, он решился на развод. После развода К. очень хотел сохранить контакт с дочерью, но жена все время переезжала с места на место, не сообщая своего адреса, ему приходилось обращаться в социальные службы защиты семьи для поиска Софи. В результате за три года, пока Софи не исполнилось 11 лет, он виделся с ней только четыре раза, но исправно выплачивал бывшей жене деньги на содержание девочки.

Восемь лет назад, в июне, он виделся с девочкой, после чего Софи с матерью уехали в Португалию. У матери к этому времени был бойфренд, или на сленге наших заключенных — сожитель, и маленький сын от него. Некоторое время они жили в Португалии. А после возвращения в Париж, где-то в октябре, бывшая жена позвонила К. и сказала, чтобы он срочно пришел, что ей необходимо срочно поговорить с ним и что у нее две новости. Одна хорошая и одна плохая.

Когда он вошел в квартиру, его встретила Софи с новорожденным младенцем на руках. В первый момент он подумал, что это ее младший брат, но мать объяснила, что это ребенок Софи, что роды прошли нормально и что теперь К. может забрать девочку с младенцем к себе. К. был совершенно потрясен, он видел девочку за четыре месяца до этого и ничего не заметил. Впоследствии выяснилось, что до родов мать ни разу не показала девочку врачам. На вопрос об отце ребенка мать объяснила, что девочка пережила групповое изнасилование. Но в полицию мать не обращалась.

Впоследствии, когда Одиль, как социальный работник, начала работать с девочкой, она поняла, что Софи не понимает значения термина «групповое изнасилование» и что у младенца только один определенный отец, которого девочка не называет.

К. привел девочку с малышом к себе, и жизнь, по его словам, превратилась в ад. Ему был 31 год, и он был самый молодой дедушка во Франции. Никогда он не был так несчастен, как в этот период. Не говоря о том шоке, который он испытал, когда понял, что его 11-летнюю дочь изнасиловали, а мать все скрывала и не показывала девочку врачам. Они совершенно не справились с уходом за грудным младенцем.

Вдобавок социальные службы охраны детства потребовали, чтобы он сдал кровь для генетического анализа на установление отцовства, потому что мать стала утверждать, что он изнасиловал собственную дочь и этот ребенок — его.

Софи постоянно звонила мать, говорила «твой проклятый отец», настраивала ее против отца и требовала, чтобы та молчала об истинном отце ребенка. Кровь для генетического анализа должны были сдать все мужчины в окружении девочки, и результат анализа показал, что отцом ребенка Софи оказался сожитель матери.

Мать манипулировала девочкой, грозя запретить ей видеться с младшим братом, обвиняя ее в «развале прекрасной семьи», так как, если отчима посадят в тюрьму, мать останется с младшим ребенком в бедственном положении. Она постоянно звонила Софи, они встречались во время следствия и суда, она выходила с девочкой вместе в туалет, чему не могли препятствовать, и там также внушала ей свою версию событий и требовала молчать о поведении отчима.

В результате Софи нарисовала картинку желаемой семьи для службы примирения: мать, ее муж, Софи и два мальчика (ее сын и ее брат). На суде девочка сказала, что половой контакт имел место лишь однократно, тогда как сосотработнику она говорила, что отчим часто насиловал ее в машине на парковке и в других местах.

Жизнь К. стала, по его словам, настоящим кошмаром. Он похудел на 15 килограммов, постоянно плакал, срывался в истерику, для оплаты адвоката вынужден был продать машину и влезть в долги. Его психика была настолько расшатана, что он почти готов был поверить, что насильник дочери он сам, как внушала всем его бывшая жена. Она, видимо по неграмотности, надеялась, что генетическая экспертиза может указать на К. как на носителя родственного Софи набора генов.

Софи была не в лучшем состоянии духа, материнские чувства она испытывала весьма слабо, что неудивительно, учитывая ее возраст и всю ситуацию.

Весь этот период социальные службы защиты семьи принимали деятельное участие во всех событиях — они встречались с Софи, с господином К., присутствовали на судебных заседаниях. Главным человеком, работавшим с Софи, была как раз Одиль, и, кроме того, с Софи постоянно беседовали психологи.

Одним из совместных решений Одиль и психологов было предложение Софи дистанцироваться от этой ситуации: отдать ребенка в дом малютки, как это заведение называлось бы у нас, и не видеть его некоторое время. Предложение Софи, ей к тому времени уже исполнилось 12 лет, приняла.

После суда и осуждения отчима отношения между Софи и отцом не улучшились. С непривычки К. было тяжело каждое утро отправлять Софи в школу, готовить ей еду и т.п., девочка же пребывала в постоянном стрессе, часто плакала, грубила отцу.

Как потом выяснилось, мать, которой было запрещено органами опеки общение с дочерью, как не защитившей права девочки на медицинскую помощь, на свободу от сексуальных посягательств, постоянно звонила по телефону, когда отца не было дома. Она продолжала настраивать Софи против отца, якобы разрушителя «семейной идиллии — мать, отчим, Софи, братишка, младенец».

В частности, под влиянием матери Софи дала такие показания на суде, что насильнику-отчиму дали только 6 лет заключения,

а не то, как полагается по законам Франции за такие преступления. Забегая вперед, нужно отметить, что за примерное поведение он заслужил условно-досрочное освобождение и вышел на свободу уже через 3 года.

Социальные службы продолжали опекать эту семью, и сам К. встречался с психологом, и Софи должна была регулярно приходить на собеседования с психологом. Если девочка не приходила на встречу с психологом, ей отказывали в свидании с ребенком.

Одиль, которая поначалу занималась всей семьей, передала свои полномочия на занятия с младенцем другому социальному работнику, потому что боялась «конфликта интересов» двух несовершеннолетних: Софи и ее сына Жана. Надо было заботиться и об 11-летней матери, и о младенце, и то, что было хорошо для первой, могло быть не полезно для второго. Поэтому Одиль предложила, чтобы у каждого был собственный социальный работник.

Органами опеки было принято решение отправить Софи в приемную семью²¹ на юг Франции, откуда она должна была приезжать раз в месяц для свиданий с отцом и сыном, который тоже был определен в приемную семью.

Отношения Софи с отцом постепенно улучшились (хотя мать продолжала постоянно звонить дочери), отношения же с ребенком продолжали оставаться сложными, претерпевали несколько кризисов. Сначала Софи охотно брала его на прогулку, играла с ним, но не хотела встречаться с психологом, в результате чего ей запретили встречу с ребенком и вручение ему подарка на день рождения. Потом Софи стала стыдиться своего раннего материнства, скрывать его от окружающих и перестала навещать сына.

Все это время мальчика навещал господин К. Характерно, что мать Софи не делала попыток увидеть ребенка.

²¹ Приемным семьям во Франции выплачивается пособие на содержание приемного ребенка.

Живя в чужой семье, Софи, по свидетельству Одиль, «не получила достаточных социальных навыков», она была трудной в общении, легко шла на конфликт, грубила, ссорилась с отцом, вызывала большие сомнения ее привязанность к ребенку, но зато к ней пришло переосмысление роли своей матери во всей этой истории. Она уже самостоятельно отказалась от общения с матерью и в данный момент размышляет, не подать ли ей в суд повторно на отчима, отказавшись от старых показаний, данных на предыдущем судебном разбирательстве под давлением матери.

Несчастный Жан, которому сейчас уже семь лет, общается только с дедом — К. посещает его новую семью по выходным. У него проблемы со школьным обучением, он отстаёт от своих сверстников в умении читать и считать.

В последнее время органы опеки предписывают Софи не встречаться с ним, хотя она как раз хотела забирать его из приемной семьи по субботам и отводить к отцу.

Эту историю К. вместе с Одиль рассказывали крайне эмоционально.

Весь рассказ произвел на меня сильное впечатление. Меня, пожалуй, больше всего поразило, что Одиль работала с Софи пять лет, вплоть до ухода на пенсию, все это время встречаясь, беседуя с ней, направляя ее, анализируя ситуацию, — даже когда казалось, что острота проблемы ушла, что каким-то образом она разрешилась.

Несомненно, для Софи все закончилось не так плохо, как могло бы: сейчас она живет в Париже, снимает квартиру, у нее есть бойфренд, с которым на этой неделе она собирается познакомиться отца. Кажется, что из травмы инцеста, пережитого в детстве, она вышла наилучшим образом. Также и К., он, судя по его виду, оправился от трагедии, женился. По его словам, его вторая жена — тоже жертва в этой истории, поскольку из-за семейных передраг их брак откладывался 6 лет. Он выглядит вполне довольным, как человек, победивший тяжелые жизненные обстоятельства.

Мы не можем судить о том, каково душевное состояние матери Софи, во всяком случае, она понесла заслуженное наказание, и, надеюсь, ее второй ребенок не пострадал от педофила-отца.

Самой проблемной оказалась судьба малыша, сына Софи. О малыше нам рассказывали меньше всего, казалось, что его как бы исключили из сферы заботы об этой семье. О нем должны были заботиться другие опекуны, другие социальные работники. На мой взгляд, при этом пострадала целостность семьи. Может быть, если бы ребенка не изъяли сразу, у Софи был бы более развит материнский инстинкт. С другой стороны, тогда она вряд ли могла бы закончить образование. Однако в течение года (даже, может быть, больше) проходили собрания, где встречались отец, мать Софи, Софи и малыш. Социальные службы работали даже с отцом малыша, но не в присутствии Софи, так как это запрещено по закону.

Малыша в свое время разлучили с кровной семьей, потому что он не получал должного внимания и ухода от 12-летней матери и 30-летнего деда, но были ли адекватны попытки впоследствии соединить эту часть семьи?

Обстоятельства этой семьи настолько трагичны и неординарны, что вряд ли можно было предложить какой-то путь решения проблем, не задев ничьих интересов. Хочется надеяться, что о ребенке заботятся и что он тоже благополучно изживет травму своего рождения.

Главная ценность во всей истории — это неусыпное наблюдение, социальное сопровождение, продолжающееся годы, постоянная помощь семье, поиски консенсусов и компромиссов.

Мы очень благодарны господину К. за откровенность, а Одиль за организацию нашей встречи.

Это была наша последняя встреча во Франции, но мы не распрощались с Катрин Ле Ру, а вместе продолжили работу над сборником, который вы держите в руках. Катрин — наш французский редактор, благодаря ее стараниям мы получили комментарии к публикуемым текстам и дополнительные материалы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства)

Краткая информация

www.cnape.fr

Национальный союз ассоциаций защиты детства — CNAPE основан в 1948 году. Главное направление деятельности — забота о будущем детей и подростков.

CNAPE — объединяет и представляет общественные организации, разрабатывающие и реализующие общественно-воспитательные, социальные и медико-социальные инициативы в интересах детей, подростков и взрослых.

С 1982 года Союз служит общественному благу, выступая на национальном уровне в качестве важного партнера органов государственной власти, магистратов, депутатов, бизнесменов Конвенция и является неизменным консультантом при разработке социальной политики.

Некоторые цифры. 1006 учреждений и служб, в которых работают 8000 волонтеров и 28 000 специалистов, каждый год принимают более 280 000 детей, подростков и взрослых, находящихся в трудной жизненной ситуации, проживающих в метрополии и заморских владениях Франции.

Члены CNAPE являются специалистами в области философии, этики и научной информации — всех наук, которые ложатся в основу этой социальной политики.

CNAPE открыт для тех, кто разделяет уверенность, что в развитии человеческой личности состоит сущность образования и социальной инициативы, и предоставляет входящим в него организациям реальную возможность для обмена мнениями и выражения своих взглядов.

Приверженность гуманизму

CNAPE объединяет ассоциации, готовые защищать общие ценности, лежащие в основе таких направлений деятельности, как:

- содействие гармоничному развитию человеческой личности;
- сопровождение и поддержка проектов, направленных на поддержание жизнедеятельности людей, находящихся в опасности или социально не защищенных;
- организация образовательных мероприятий, содействие становлению более справедливого и объединенного общества, где реализуется

надежда на прогресс, через всемерное развитие детей и подростков при уважении к их правам и оказании им помощи в достижении ими чувства свободы и ответственности.

Представительство на общегосударственном уровне

CNAPE представляет задачи и приоритеты своих членов на национальном уровне, особенно перед лицом государственной власти.

CNAPE защищает место и роль, которые должны признаваться за ассоциациями как обязательными участниками «социального развития».

В каждом регионе эти действия осуществляются региональными представителями.

Форум для рефлексии

Общенациональные дни учебы, методические семинары, рабочие группы предлагают всем членам пространство для обмена мнениями, опытом и обучения.

Региональные конференции и конференция председателей ассоциаций, входящих в CNAPE, позволяют быть в курсе проблем, которые беспокоят ее членов.

Главная задача CNAPE – помогать своим членам в оживлении общественной жизни.

Союз поддерживает проведение экспертиз общественных проектов, обращая особенное внимание на взаимодополняемость деятельности волонтеров и специалистов.

Выработка предложений

CNAPE и его члены, на основе обмена опытом и критического анализа, имеют возможность предложить действенные решения в сфере защиты детей, социально дезадаптированных групп населения и инвалидов. CNAPE отстаивает свои позиции по всем современным вопросам, связанным с профилактикой, образованием и включением социально дезадаптированных групп в жизнь общества; участвует во всех общественных дебатах по данной тематике.

Закон № 2002-1138 от 9 сентября 2002 года об ориентации и программировании правосудия

Надеемся, что читателю будет интересно познакомиться с основными положениями Закона, который был введен в сентябре 2002 года в связи с увеличением числа покушений на имущество граждан.

1. Ответственность несовершеннолетних.

Уголовное совершеннолетие во Франции установлено с 18 лет. Но с сентября 2002 года уголовная ответственность несовершеннолетних наступает с того момента, как человек способен рассуждать. До 2002 года ребенок младше 13 лет не признавался уголовно ответственным, не мог быть преследуем уголовно, какова бы ни была тяжесть совершенного им правонарушения. Могли быть применены меры защиты, но не могли быть применены уголовные санкции. Когда мы говорим «санкции», речь идет, естественно, не о тюрьме, а о том, что он отвечает за свои поступки. Сейчас ребенок до 17 лет, который признан способным рассуждать, может отвечать за серьезные правонарушения, которые он совершил. Сейчас возраст ответственности (и возраст, с которого применяются санкции) — с 10 лет.

2. Открытие реабилитационных закрытых центров для несовершеннолетних от 13 до 18 лет.

В законе 2002 года предусмотрено открытие образовательных закрытых центров для несовершеннолетних от 13 до 18 лет, которые находятся под судебным контролем или на испытательном сроке. Эти центры уже существовали в какое-то время, потом были закрыты, а после 2002 года снова открылись.

3. Предварительное заключение детей в комиссариате полиции.

Задержание, которое раньше было невозможно для детей младше 13 лет, сейчас возможно для детей от 10 до 13 лет. Оно не может длиться более 12 часов, но может быть продлено один раз, при одном лишь условии: правонарушение достаточно серьезно и, если будет передано в суд, ребенок получит как минимум пять лет тюрьмы. В этом случае подростка можно удерживать в комиссариате полиции, но, естественно, уважая его права. Раньше это было совершенно невозможно.

4. Возможность помещения несовершеннолетних от 13 до 16 лет под судебный контроль и предварительное заключение.

Это может показаться значительным ужесточением санкций по отношению к подросткам, испытывающим трудности. Но есть некоторые объяснения. Дети, которым еще не исполнилось 13 лет, часто используются старшими для совершения правонарушений. В частности, в Париже мы видели, как дети 10–12 лет в присутствии взрослых совершенно безнаказанно собирали деньги, взламывая автопарковочные счетчики для автомобилей. И уголовно они не были преследуемы за это ввиду их возраста. По рассказам, в неблагополучных кварталах Парижа дети распространяли наркотики.

Снижение возраста уголовной ответственности для ребенка — это мера, принятая для того, чтобы:

- детей не использовали люди старшего возраста;
- дети поняли — пока еще не поздно, — что в обществе есть определенные законы, которые надо соблюдать.

Схема французской системы защиты детства

(как пример указываются те организации, с которыми мы познакомились во время поездки)

1. ПРОФИЛАКТИКА

Управление, финансирование	Поле деятельности	Кто действует?	
Государство	Здравоохранение Борьба с наркоманией Борьба с преступностью	Государственные поликлиники, больницы Полиция Правосудие	Общественные организации: CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства, сам не действует), «Вальдокко»
Областные власти (во Франции – департаменты, их 95)	Социальная профилактика <ul style="list-style-type: none"> • Помощь семьям • Контроль над тем, кто занимается детьми (няни и т.д.) • Устройство в общежитие 	Областной отдел социальной помощи детям Institut départemental de l'Enfance et de la Famille (Институт детства и семьи)	Общественные организации: CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства, сам не действует), «Вальдокко» (общежитие LAURENFANCE)
Города	Организация досуга	Отдел по делам молодежи	Общественные организации: CNAPE (Национальный союз ассоциаций защиты детства, сам не действует)

2. ПОСЛЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО ПОДРОСТКОМ, ИЛИ ПОСЛЕ ТОГО КАК ПРОКУРОР ПОЛУЧИЛ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОПАСНОСТИ, ГРОЗЯЩЕЙ РЕБЕНКУ

СУДЬЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ					
В случае правонарушения				В случае информации (прокурора) об опасности, грозящей ребенку	
Ограниченная свобода «Свобода с надзором»	Устройство в общежитие: - «Вальдокко» (LAURENFANCE) - Центр закрытого типа для трудных подростков в Сан-Дени ле Тибул	Работа на пользу общества	Тюрьма GENEPI (Студенческая организация посетителей тюрем)	АЕМО (Воспитательные меры в открытой среде). Ребенок остается в семье, но назначается педагог, чтобы им заниматься	Устройство в общежитие: 5 % при областной власти, 95 % при общественных организациях
Подросток остается в семье, но им занимается педагог при судье	или при Министерстве юстиции	или при общественных организациях			

Ключевые цифры

правосудия по делам несовершеннолетних²²

DPJJ (Direction de la protection judiciaire de la jeunesse) — Управление судебной защиты молодежи.

SCoRE (service de la communication et des relations extérieures) — Служба коммуникаций и связи с общественностью

Примерно 218 000 несовершеннолетних поставлены на учет (в полиции или жандармерии) в 2010 году

Из этих 218 000 дел несовершеннолетних примерно в 16 000 решение принимает генеральный прокурор, около 57 000 не подлежат рассмотрению в суде или классифицированы как «правонарушения без последствий» (дело закрыто без продолжения).

Диаграмма распределения преступлений относительно возраста преступников

²² Источники:

Министерство внутренних дел: Национальный институт исследования безопасности (INHES) и Национальная обсерватория правонарушений (OND).

Министерство юстиции: Генеральный секретариат/Подуправление статистики и исследований.

ONED: Национальная обсерватория детства в опасности.

Эксплуатация и консолидация: Управление судебной защиты молодежи (DPJJ)/Подуправление управления и оптимизации ресурсов (SDPOM)/Отдел систем информации (BSI).

На 74 % из 218 000 заведено дело в полиции или жандармерии — на 161 000. **Из них дела 78 000 несовершеннолетних являются предметом судебного разбирательства, альтернативного уголовному преследованию.** Делами этих несовершеннолетних занимаются прокуратура или ее уполномоченный, службы медиации или уголовной компенсации, причем 9000 уголовных компенсаций осуществлены службами РJJ (Судебной защиты молодежи).

Делами 83 000 несовершеннолетних занимается суд по делам несовершеннолетних или судебный следователь.

Около 98 000 несовершеннолетних поддерживаются государственными или добровольными службами РJJ.

- С ними работают социальные педагоги (педагоги-посредники) в семьях или в привычном окружении.
- Примерно 33 500 человек, взятых под ответственность служб РJJ, включают 9000 привлеченных к альтернативному уголовному преследованию по решению генерального прокурора.
- Около 5200 несовершеннолетних приговорены к размещению вне семьи.
- Около 2000 несовершеннолетних приговорены к содержанию в специализированном или закрытом учреждении.
- Около 3500 несовершеннолетних содержатся под стражей воспитателями РJJ, содержатся в следственных изоляторах и пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних. Из них 58 % заключены под стражу как подозреваемые, 42 % — как осужденные.

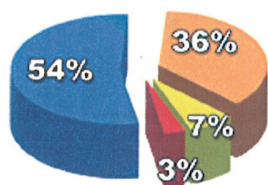
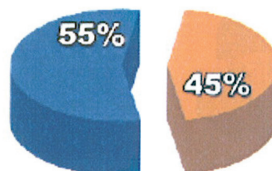
Примерно 291 000 несовершеннолетних наблюдаются как дети в группе риска или участвуют в программе защиты молодежи.

- Около 73 000 несовершеннолетних контролируются государственными или добровольными службами РJJ.
- Около 212 500 несовершеннолетних вверены ASE (Социальной помощи несовершеннолетним) или частному сектору финансовой ответственности департаментов, где примерно 105 000 курируются социальными педагогами в семьях или в привычном окружении и около 107 500 — приютами.
- Около 5500 молодых людей курируются социальными государственными или добровольными службами РJJ в рамках Программы защиты молодежи.

В общем мы получаем около 452 000 молодых людей, представших перед судом, в том числе 386 000 выявленных несовершеннолетних правонарушителей, детей в группе риска и участников Программы защиты молодежи.

Почти 400 000 несовершеннолетних каждый год попадают в руки правосудия

- 212 500 несовершеннолетних поддерживаются Службой социальной помощи детству (ASE) Департамента социального обеспечения
- 173 500 несовершеннолетних и молодых людей поддерживаются государственными или добровольными службами PJJ

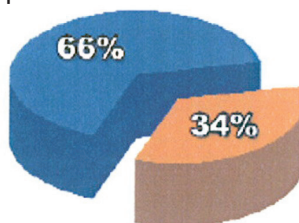
- 90 000 несовершеннолетних правонарушителей
- 61 000 несовершеннолетних в опасности — предмет социальных исследований
- 12 000 несовершеннолетних в опасности — поддерживаются программами защиты детства
- 5500 молодых людей (18–21 лет) поддерживаются программами защиты молодежи

Сроки постановки на учет несовершеннолетних правонарушителей

- 15 дней на анкетирование и изучение обстановки в семье (внедрение).
- 17 дней на долгосрочный мониторинг в семье и окружении.
- 3 дня на расследование без внедрения в семью.
- менее 1 дня для несовершеннолетних, содержащихся в учебных учреждениях или приемных семьях.
- менее 1 дня для несовершеннолетних, содержащихся в учебных центрах с круглосуточным наблюдением.

Рецидив через год после мониторинга

- не совершают новых преступлений
- рецидив/повтор

66 % несовершеннолетних осужденных в последующий год не совершают новых преступлений

Мы увидели, что отношение государства к проблемам несовершеннолетних во Франции постоянно меняется, приобретая новые формы.

Во Франции тюрьму заменили на гражданскую повинность 23 декабря 2011 года

www.zakonia.ru/news/72/71987

Париж — Депутаты приняли закон, согласно которому несовершеннолетние правонарушители старше 16 лет начиная с февраля 2012 года вместо тюремного заключения смогут исполнять «гражданскую повинность» в одном из государственных реабилитационных учреждений Министерства обороны. Продолжительность такого наказания составляет от 6 до 12 месяцев.

Надзор за несовершеннолетними преступниками будут осуществлять военные. Парламент Франции окончательно принял закон о военном типе надзора за несовершеннолетними правонарушителями. Опробован этот закон будет уже в феврале 2012 года. Оппозиция сразу же охарактеризовала его как «бесполезный».

Закон, подготовленный депутатом Эриком Сьотти, предусматривает, что несовершеннолетние преступники, достигшие возраста 16 лет, будут исполнять «гражданскую повинность» продолжительностью от 6 до 12 месяцев в стенах государственного реабилитационного учреждения Министерства обороны (ГРУМО).

Министр юстиции Франции Мишель Мерсье заявил, что этот закон, наконец-то принятый парламентом, позволит «расширить спектр возможных реакций государства на правонарушения несовершеннолетних» и даст новое средство в «борьбе против рецидива».

Со слов г-на Мерсье, направление несовершеннолетних в 12 специальных центров, функционирующих при ГРУМО, начнется уже в феврале 2012 года, а до конца июня планируется подключение к этой работе еще трех учреждений Министерства обороны. Средняя продолжительность нахождения несовершеннолетних под надзором военных, со слов министра, составит 10 месяцев. Он также пообещал выделение дополнительных средств для ГРУМО.

Кстати, государственные реабилитационные учреждения Министерства обороны с 2005 года осуществляют подобный надзор за взрослыми правонарушителями в рамках программы «Защита — второй шанс».

«Бесполезный» и «опасный» закон

Сами военные к этому закону относятся скорее отрицательно. Свидетельство тому — отказ парламентской Комиссии по обороне поддержать его во время

обсуждения. Но Эрик Сьотти уверяет, что государственные реабилитационные учреждения Министерства обороны считают этот закон очень позитивным. А якобы имеющееся некое противостояние — это происки «левых».

Этот закон, считает Эрик Сьотти, позволит несовершеннолетним покинуть «порочный круг правонарушений» и вернуться в «добродетельный круг общественной жизни».

По мнению депутата Марка Долеза (партия левых), этот «рекламный» закон, «...надцатый по счету», является одновременно и «опасным», и «бесполезным». А Мариэтта Караманли (социалистическая партия) заявила, что закон не решит никаких проблем и является не более чем «показушным».

Сенат, в котором большинство принадлежит «левым», ранее отклонил этот закон, но Национальная ассамблея, за которой остается последнее слово, его приняла. Профсоюзы также выступали против этого закона.

Текст закона также включает описание реформы системы ювенальной юстиции, одобренной недавно решением Конституционного совета.

Михаил Агафонов
**Это «страшное» ЮЮ,
или Что я видел в ювенальной Франции**²³

Когда я говорю, что России, Украине, да и другим республикам бывшего СССР нужна ювенальная юстиция, мои православные собеседники иногда даже роняют то, что держат в этот момент в руках. Как-то раз я едва не сорвал застолье у милейших людей сообщением, что еду во Францию изучать тамошнюю модель «ЮЮ»; реакция была — как будто я сказал какую-то непристойность. А зря — это была очень интересная поездка.

Мне повезло: о ювенальной юстиции я узнал раньше, чем в православных СМИ началось массированное обсуждение (а точнее — огульное осуждение) этой области права. Я тогда работал редактором сайта *Милосердие.Ru* и чувствовал потребность не только писать о милосердии и социальной деятельности, но и что-то делать. В поисках подходящего варианта я и познакомился с Центром содействия реформе уголовного правосудия — одной из старейших правозащитных организаций России, занятых в тюремном служении. Мы с членами редакции включились в один из проектов Центра — социальное сопровождение девушек, освобождающихся из колонии для малолетних: анкетировали их, пытались помочь им решать те проблемы, которые ждали их по возвращении, — жилье, учеба, трудоустройство, дети (у некоторых уже были!), родители (тоже были — у некоторых)... В процессе этой деятельности мне стало понятно, что во всей сфере работы с трудными подростками на постсоветском пространстве что-то надо менять. Я стал читать литературу и быстро узнал, что интересующая меня область права называется **ювенальная юстиция**.

Собственно, главная трудность и основной камень преткновения — вопрос, что же в конце концов такое — эта ювенальная юстиция. Формат этой статьи не позволит нам много внимания уделить теоретическим вопросам, заинтересованного читателя я хотел бы отослать к первоисточникам — но не к творчеству интерпретаторов-алармистов! В православных кругах сейчас распространено мнение, что ЮЮ — это массовые изъятия детей в детдома за мнимые прегрешения их родителей, запрет на порку и гарантия вседозволенности для малолетних преступников. В России ювенальная юстиция изучается в юридических вузах по не-

²³ По результатам нашей поездки на сайте «Религия в Украине» была опубликована статья участника поездки, волонтера Центра содействия реформе уголовного правосудия Михаила Агафонова: www.patriarchia.ru/db/text/1386377.html.

скольким учебникам, но отсутствует в законодательстве. В Украине она также делает первые робкие шаги. Поэтому сказать, определение какого учебника наиболее авторитетно, — нельзя. В разных странах отношения детей и законов выстроены по-разному, иногда действительно мы узнаем о странных и прямо неприемлемых требованиях, которые законы тех или иных стран предъявляют, например, родителям.

В силу ряда причин главными «жупелами» для борцов с ЮЮ в России и Украине стали Франция и Финляндия. Тем с большим интересом я принял предложение своих друзей из Центра содействия об ознакомительной поездке по французским учреждениям защиты детства — с особенным вниманием именно к системе ювенального суда. С французской стороны визит организовала Acer-Russie — эмигрантская организация, часть знаменитого РСХД, возглавляемая Александром Ельчаниновым, внуком известного православного священника. Оказывается, православные эмигранты (и их потомки), при советской власти засылавшие к нам контрабандой духовную литературу, теперь поддерживают массу социальных проектов в России, многие из которых — типично «ювенальные», внушающие такой трепет отечественным православным.

Объяснился этот парадокс довольно просто. Дело в том, что во Франции не было перерыва в социальной деятельности христианских общин, поэтому все достижения французской социалки для местных верующих — свои (равно как и все ошибки — тоже свои). И все, так пугающие нас нормы тамошнего права (точнее, те из них, которые действительно существуют, а не выдуманы нашими «борцами» с ЮЮ) растут из французского менталитета, укоренены во французской культуре и оправданы историей Франции. Это видно и из того, что основные подопечные всех форм французских детозащитных организаций, от семейных инспекторов до ювенальных судей — мигранты в первом, втором или третьем поколении, люди, недостаточно инкультурированные. Подозреваю, что так же — и в Финляндии (где православие — одна из государственных религий, но также нет ничего, подобного антиювенальным волнениям среди чад РПЦ). В Америке, где ювенальная юстиция существует уже около 100 лет, ни один из опрошенных мною православных священников даже не знал, что это такое — не говоря о том, почему это «плохо».

Итак, христианские общины Франции плотно вовлечены в работу местных социальных служб, создают приюты (хотя регистрировать их предпочитают как светские НКО: это позволяет им пользоваться госфинансированием), поставляют из своей среды соцработников и приемных родителей, учреждают гранты. В частности, православные во Франции не сталкиваются ни с каким «ювенальным террором», никто не препят-

ствует им воцерковлять своих детей или приобщать их к русской культуре. Это, конечно, не означает, что во Франции исключены перегибы или злоупотребления в этой сфере, но воспринимаются они именно как перегибы и злоупотребления, а не как свидетельство банкротства всей системы. И несомненно, возможностей как-то бороться со злоупотреблениями в детозащите там гораздо больше, чем, например, в России или Украине.

Тем не менее во Франции тоже все чаще поднимаются голоса против ювенальной юстиции, и тоже, как у нас, — из правого политического лагеря. Однако обвинения они выдвигают совсем иные: ювенальная юстиция-де слишком «цацкается» с «неправильными» родителями и подростками-правонарушителями, проявляет чрезмерную мягкость. Слишком много налогов уходит на исправление там, где можно дешево наказать — лишить родительских прав, посадить в тюрьму и т.п. А поскольку власть во Франции прислушивается к *vox populi*, многие ювенальные законы подвергаются коррозии. Раньше — жаловались нам ювенальные судьи — мы могли заниматься с каждым подростком столько, сколько было необходимо; теперь это время лимитировано и иногда приходится обрывать работу на середине.

Но в целом система ювенальной юстиции во Франции — зрелище действительно впечатляющее. Конечно, ни о каком «ювенальном терроре» речи там не идет, псевдолозунг «родителей в отставку» — это тоже не про них. Наоборот, один из наиболее озадачивших меня принципов французской ЮЮ — принципиальное сохранение родительских прав даже в отношении отобранных детей. То есть ребенок не живет с родителями, но все основные решения принимают они — где ему учиться, в какую церковь ходить, как стричься и т.п. Ничего не напоминает? Так ребенка «забирают» в больницу. И действительно: если в семье какая-то проблема, она сама часто обращается в соцслужбы за помощью. Если люди за такой помощью не обращаются, это выглядит так же странно, как если больные не обращаются к врачу. К таким «врач» (соцработник) может и сам прийти.

Но это нечастая ситуация. Существует одна ассоциация родителей, несогласных с изъятием их детей. Она пишет петиции, организует акции — и благодаря ее усилиям судьям отдано распоряжение прилагать все усилия к тому, чтобы семья соглашалась на изъятие детей, — и в основном соглашаются. Важно также, что решение об изъятии следует после исчерпания всех других вариантов исправления ситуации в семье.

Бросается в глаза широчайший спектр учреждений и инстанций защиты детства. Там, где у нас — лакуна между продуктовым набором и лишением родительских прав, там миллион всего — кураторы, медиаторы (службы медиации, состоящие из нескольких специалистов, существуют в каж-

дом квартале!), службы передержки, дневные стационары, интернаты разных типов и т.п. **Изъятие ребенка воспринимается как крайняя мера, когда исчерпаны все другие, и почти всегда — как мера временная.** Помещать изъятых детей стараются не в учреждение, а в специально оплачиваемую приемную семью, и такое изъятие может быть на любой срок, от дней до лет, возможны комбинированные схемы, когда ребенок неделю живет в приемной семье, а в выходные, допустим, — в кровной и т.п.

В январе 2011 года Святейший Патриарх Кирилл представил общественному вниманию свои предложения по политике защиты детства²⁴. В частности, он призвал исключить из Семейного кодекса и других документов нечеткие формулировки (такие, как «ненадлежащее воспитание» или «злоупотребление родительскими правами»). По которым могут изъять ребенка в России. Между тем во Франции нечеткие формулировки — принципиальная позиция. «Невозможно все кодифицировать, — говорят тамошние специалисты, — то, что нормально для одного ребенка, недопустимо для другого». В России, да и в Украине от такой идеи ждут оправдания чиновного волюнтаризма, но здесь особенно заметна разность менталитетов: различается практика: у нас нечеткость приводит к невнимательности служб, у них, в условиях широкого спектра возможностей помогающих служб, — к вниманию.

Особенно хочу отметить наиболее мне близкую тему — работу с малолетними правонарушителями. Могут посадить в тюрьму и даже раньше, чем нашего, но опять же, там, где у нас существует дыра между условным сроком и реальным, во Франции широченный спектр различных институций. Фактически до тюрьмы доходят единицы, остальные отсеиваются в различных воспитательных центрах разной степени закрытости, но тюрьма маячит на заднем фоне и подросткам есть чего бояться. За счет этого они стараются удержаться в воспитательных центрах, не нарушают правил, могут даже посещать вольную школу без охраны: понимают, что рискуют.

Мне очень понравилось, что во избежание экспертократии с ювенальным судьей обязательно созаседают два человека из народа. Их выбирает судья сроком на несколько лет из тех, кто сам подаст заявки на этот пост; если никто не подаст, видимо, придется вербовать педагогов из школ, но такого мои собеседники не встречали. Мнение таких народных представителей равновесно мнению судьи, то есть если они оба с судьей не согласятся, победят они, а не судья.

²⁴ www.patriarchia.ru/db/text/1386377.html.

Конечно, ездил я в гости к «делателям» на ниве ювенальной юстиции, аргументы их противников я слышал только с их слов. Кое-что во французской системе мне сильно не понравилось — в частности, то, что, несмотря на декларации о приоритете восстановления кровных связей, там регламентируют (если надо — и через суд) встречи родителей даже с грудными младенцами и не скрывают от детей, что они изъяты из семьи, потому что папа с мамой что-то не так сделали. Но, конечно, никто не призывает слепо скопировать чью-то иностранную систему. Я не верю, что наши пацаны из колонии смогут, как французские, — ходить в вольную школу; или что наши чиновники из опеки могут принимать взвешенные решения при отсутствии четких формулировок, что можно, а что нельзя делать с ребенком в семье. Но хочется призвать всех, кто спорит об этом: сбавьте обороты и задумайтесь. Почему, если ювенальная юстиция — это так плохо, в странах, где она есть, жить вовсе не хуже (а честно скажем — лучше), чем у нас? Может быть, просто вы вместо общего (социальная защита детей в трудной ситуации) обсуждаете частное (защита детей путем их изъятия из семьи) и даже частное частного (неправомерное изъятие детей из семьи под видом их защиты)? Может быть, вы зря боитесь словосочетаний, а стоит бороться с конкретными, недопустимыми тенденциями, имеющимися в рамках нейтральных или даже полезных социальных технологий? Может быть, прежде чем пугаться и ругаться, стоит попробовать узнать о чем-то не в пересказе, а непосредственно на месте? И тогда мы сможем спокойно поставить перед собой конкретные вопросы: до какой степени родитель властвует над ребенком? Что более есть детское преступление: вина, требующая наказания, или симптом беды, требующий помощи? Как можно и как нельзя наказывать детей? Родителей?

И спокойное обсуждение этих вопросов позволит нам выработать собственную модель ювенальной юстиции, укорененной в нашей культуре и в нашем менталитете.

Римма Чиркина,
доцент кафедры юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
А что у нас?

Писать о ювенальной юстиции (ЮЮ) в нашей стране в последнее время трудно и даже немного страшно. Такая лавина народного негатива спроецирована на это словосочетание, что поневоле приходится избегать прямого упоминания его даже в контексте специализированного правосудия в отношении несовершеннолетних. Основной посыл протестующих — ЮЮ якобы ведет к разрушению основ семьи, неоправданному изъятию детей из семьи, перекосу прав детей над правами родителей. И никакая аргументация специалистов, никакие примеры положительного опыта внедрения ювенальных технологий в практику помощи детству не могут пока переломить общественное мнение в пользу ЮЮ. «Иррациональные страхи» последствий ЮЮ для России подпитываются широко освещаемыми в СМИ историями отъема детей у матерей-россиянок, проживающих в Европе. И особенно выпукло подаются многолетние тяжбы с французской правовой системой нескольких несчастных матерей (например, Светланы Вахитовой, Натальи Захаровой, Софьи Кручининой).

Причем большинство протестующих (и это нашло отражение в проекте документа РПЦ о ювенальной юстиции, широко обсуждаемом в настоящее время) воспринимают ювенальную юстицию как некую единую «современную западную систему ювенальной юстиции», которую ни в коем случае нельзя впускать в наше законодательное поле. Тогда как «при общности принципов (охранительная сущность, нацеленность на социализацию детей и подростков, профилактический характер мер, особый характер судебного процесса, привлечение специалистов не только юридического, но и психологического, педагогического профиля) в разных странах существует многообразие форм ювенальной юстиции. Они зависят от культурно-исторических особенностей страны, ее национальных традиций, менталитета жителей, местной практики судопроизводства и работы с юридически значимыми проблемами детей. В связи с этим говорить о какой-то одной «западной системе ювенальной юстиции» невозможно. Кроме того, ювенальная юстиция успешно существует не только на Западе, но и в Японии, Южной Корее, Австралии. Каждое государство может построить эту систему в соответствии с собственными представлениями о практическом воплощении принципов ювенальной юстиции. Если рассмотреть особенности систем (а не одной системы) ювенальной юстиции в мире более кон-

кретно, то обнаружится, что в большинстве стран они имеют дело преимущественно с несовершеннолетними правонарушителями и направлены на социализацию и комплексную реабилитацию последних²⁵.

Не претендуя на научность анализа, хочу показать на одном лишь примере, как французский опыт преломляется через российскую реальность и какова может быть судьба заимствованных ювенальных моделей в России.

Французская модель ювенального сопровождения в суде, с которой я знакома не понаслышке, пришла в нашу страну в конце прошлого века. Первой экспериментальной площадкой для нее стал Ростов-на-Дону, второй — Санкт-Петербург. Третий проект ПРООН, в рамках которого эта модель внедрялась в Саратовской области, начался в 2000 году и длился два года. Суть этого проекта — внедрение социальных работников в работу ювенального судьи. В районах Энгельса и Саратова были выделены судьи, которым передавались на рассмотрение преимущественно уголовные дела с участием несовершеннолетних. В первом стартовом году несколько штатных психологов ПМСС-Центра были приглашены в проект в качестве социальных ювенальных работников. Меня прикрепили к городскому судье Энгельсского районного суда. Всего ювенальных судей и, соответственно, специалистов по соцработе было тогда девять. Мы с большим интересом и самоотдачей начинали работать в проекте.

К нам приезжали французские судьи, провели замечательный обучающий семинар для всех участников эксперимента. Нам передали разработки из Ростова.

Анализируя их достижения и проблемы, опираясь на наш профессиональный психологический опыт, мы попытались на нашей саратовской площадке отработать свою региональную модель этой ювенальной технологии.

Но нам такой возможности не дали, и в результате саратовский проект вылился в буквальное воспроизведение форм работы, которая делалась в Ростове. Но у нас не оказалось самого главного — искренней заинтересованности судей в полноценном и творческом внедрении предложенной технологии, как это было в Ростове. Там ювенальный проект никто не тормозил, потому что его возглавила действующий судья Е.Л. Воронова — личность, которая своим энтузиазмом сделала эту программу более широкой, чем она была задумана. В Саратове же координаторы от судебного департамента эту программу, наоборот, ограничили за счет того, что очень узкий коридор влияния оставили для социальных ювенальных работников. Наши функции свелись к

²⁵ «Ювенальная юстиция не должна выглядеть источником иррациональных страхов». Из комментария Дозорцевой Е.Г. сайту Милосердие.ру — www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=68&id=17283.

тому, чтобы по каждому конкретному судебному случаю составить социально-психологический портрет подследственного подростка и написать рекомендации. Которые никто не обязан был выполнять, а судья не должен был контролировать. Не было вынесено практически ни одного частного определения по заключениям социальных ювенальных работников. Мы просили, например, о назначении психолого-психиатрической экспертизы, коррекционной работе с семьей, вынесении санкций по отношению к лицам, которые спровоцировали ситуацию, приведшую школьника на скамью подсудимых, и т.д. То есть в лучшем случае заключения социальных работников принимались к сведению судей, но особого влияния на вынесение судебных решений и изменение ситуации в процессе того экспериментального года я не заметила. Ни одна из моделей, о которых нам рассказывали французские судьи, не была у нас осуществлена. Некоторые модели, которые могли быть реализованы, не вписывались в нашу правоприменительную практику. Например, если подросток был готов отработать причиненный ущерб, то юридической регуляции такого процесса у нас еще не было. Это сейчас в некоторых регионах работают восстановительные программы, но опять же далеко не везде. И принимаются шаблонные решения об условном или реальном наказании подростков.

С судьями работать было очень тяжело, они очень закрыты, очень кастово ограничены и совершенно не готовы были тогда воспринимать наши попытки психологизировать процесс. И потому, отработав год в проектном режиме, мы, психологи, из проекта ушли. Но опыт не прошел даром. Я сделала несколько своих авторских проектов для целевой группы несовершеннолетних в конфликте с законом (серия ресурсных проектов общественной организации «Социум», гранты PRI), где элементы французских моделей были творчески переосмыслены и применены довольно успешно. Например, организация молодежного волонтерского участия в процессе социальной реабилитации или создание сети социальной поддержки семей воспитанников колоний²⁶.

Сейчас я работаю в Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий МГППУ, которая совместно с РОО «Центр содействия ювенальным технологиям» и Центром «Судебно-правовая реформа» активно разрабатывает, изучает и внедряет ювенальные, в частности, восстановительные технологии в практику комплексного сопровождения детства²⁷.

²⁶ После окончания финансирования эта работа прекратилась.

²⁷ Есть опасения, что в связи с новой экономической политикой бюджетное финансирование межведомственных, комплексных направлений работы научных подразделений вузов будет прекращено, а работа, ориентированная на обеспечение нужд узкого сектора образования, будет переведена на конкурсную систему госзаказа. Что при наших реалиях поставит научные подразделения в ту же ситуацию, что и общественные организации: выиграл грант — работаешь, пока идет финансирование, не выиграл — ищи другие источники. Или другую работу.

А Комиссия по делам несовершеннолетних при правительстве Саратовской области приложила максимум усилий, чтобы институционализировать социальную работу при ювенальном суде. Саратов пошел по пути питерского проекта и внедрил ювенальных соцработников в структуру соцзащиты. То есть теперь, административно находясь в системе соцзащиты, они прикреплены к судам. И в этом я вижу корень проблемы — «при», не рядом, не вместе, не внутри, а «при», что порождает некую факультативность, необязательность их продукта для системы суда.

Двойственность подчинения порождает еще другую проблему. Я думаю даже, что со стороны учреждений соцзащиты было сопротивление тому, что в их штат были втиснуты эти чужеродные по функциям единицы. При этом им предоставили некую автономность от системы. И я думаю, что они до сих пор существуют как пасынки, падчерицы системы.

Поэтому, когда возникли экономические проблемы, большую их часть сократили, как лишний сегмент системы. А лишним сегментом они оказались потому, что любая деятельность требует доказательств своей необходимости, то есть публичности, социального отклика. Но у нас изначально, еще в проектном режиме, курирующий департамент — судебный — сделал все, чтобы такого общественного резонанса не было, ограничив, например, любые контакты со СМИ. И с другими элементами системы профилактики малочисленные, разобщенные и лишенные ресурса влияния ювенальные специалисты коммуницируют эпизодически. Так что кроме судьи практически никто не знает, что и зачем делает этот странный ювенальный соцработник. Потому и судья — хочет — использует материалы заключения, а хочет — проигнорирует. По замыслу, ювенальные специалисты в силу своей несомненной значимости должны были бы себя позиционировать как необходимое звено системы. Но здесь сыграл роль еще один антиресурсный фактор. Привыкнув к заданности форм, они и десять лет спустя работают по тем же старым ростовским шаблонам. И если в начале 2000-х годов для Саратовской области это было достижением, то на данном этапе нужно уже провести аналитику, внести изменения, развернуть новые формы работы. Но, увы, никаких прорывов и никаких инноваций там не произошло.

В то же время в Ростове проект не только эффективно работает, но и продолжает развиваться. Результаты впечатляющие. Ростовская площадка и сейчас остается транслятором передового опыта, примером эффективного и гибкого внедрения французской модели, но уже с собственным региональным обликом. И здесь дело в том, что, кроме личности руководителя и восприимчивости системы, сработал еще один важный фактор. В Ростове функции ювенального соцработника выполняет помощник судьи.

То есть он не «при», а «в» системе. И у него есть перспектива стать судьей. И этот выросший в ювенальной модели судья уже не будет игнорировать или обесценивать результаты социально-психологического сопровождения. То есть мы видим, как единство подходов, характеризующих продуктивную систему ювенальных практик в суде, подкрепляется ресурсом влияния суда на реализацию программ послесудебного сопровождения подростков и их социального окружения.

Но успешен или неуспешен этот опыт, как видим, от французского первоисточника и в том и в другом случае мало что осталось. Это особенно очевидно после описания собственно французских реалий ювенальной юстиции. Что это дает нам, спросите вы.

Весь смысл таких параллелей, наверно, в том, чтобы показать, что:

— можно взять технологию целиком как она есть, но она не даст запланированного результата, так как ее некуда встроить, и потому она сойдет на нет, что и происходит с проектными инициативами общественных организаций;

— можно модифицировать технологию или адаптировать ее к условиям или придумать свою местную технологию и даже получать хорошие результаты, но это в любой момент может прекратиться, так как не институционализировано и зависит от энтузиазма исполнителей, наличия ресурсов и т.п., как это происходит, например, в Пермском крае, где сменился губернатор;

— можно даже институционализировать какой-то элемент ювенальной юстиции, но он не будет результативен, так как не сцеплен с другими элементами системы, потому что ее, системы, нет (это происходит с ювенальными социальными работниками суда в Саратове и др.).

Так что напрасно активисты антиювенального движения так боятся прямого заимствования западных моделей.

Россия — огромная страна. В разных регионах существует свой опыт внедрения ювенальных моделей и технологий. Что-то заимствуется, что-то рождается на местах, что-то приживается, а многое отмирает. Часто этот опыт уникален, он не тиражируется и, к сожалению, не анализируется.

Поэтому задача тех, кто что-то делает, — добиваться системных изменений для закрепления успешных практик и придания им устойчивости. А опыт других стран и анализ собственного опыта позволит избежать заведомых провалов.

**ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ
РЕФОРМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ**
Moscow Center for Prison Reform

Общественная организация, созданная в 1988 году Валерием Абрамкиным, бывшим политзаключенным, членом старейшей российской правозащитной организации «Московская Хельсинкская группа».

Деятельность Центра направлена на внедрение в российскую практику международных и европейских стандартов в области обращения с заключенными, в том числе: прекращение пыток и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания; отказ от неэффективных методов перевоспитания и исправления осужденных в местах заключения; вовлечение представителей различных социальных и профессиональных групп в работу с заключенными в целях их реабилитации.

Виды деятельности:

- Участие в общественном контроле за соблюдением прав заключенных в местах принудительного содержания Москвы и Московской области.
- Издание серии брошюр «Знай свои права!» и дистанционные правовые консультации заключенных.
- Выпуск еженедельной информационно-просветительской радиопередачи «Облака»: о заключенных, для заключенных, для тех, кому небезразлична их судьба.
- Подготовка материалов по профилактике правонарушений несовершеннолетних (передвижная выставка «Осторожно, тюрьма!» и т.д.).
- Социально-правовая, психологическая и гуманитарная поддержка несовершеннолетних и женщин в местах лишения свободы.
- Разработка и внедрение реабилитационных программ для уязвимых категорий заключенных в колониях для женщин и несовершеннолетних (внедрение восстановительного способа разрешения конфликтов как альтернативы дисциплинарным мерам, создание служб примирения).
- Вовлечение несовершеннолетних заключенных в реабилитационные программы, организуемые в партнерстве с творческими организациями и представителями творческих профессий.
- Разработка и внедрение элементов правосудия, дружественного детям (восстановительные программы для несовершеннолетних в судах, создание служб принимающих семей для детей в конфликте с законом).

Адрес: 101000, Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7

Тел.: (495) 621 09 15. **Факс:** (495) 621 10 24.

Web-site: <http://www.prison.org>

E-mail: sodeistvie@prison.org

Acer-Russie – AIDE SOCIALE A LA RUSSIE при Русском Студенческом Христианском Движении была создана в 1961 году благодаря стараниям К.А. Ельчанинова (1923 - 2001), профессора философии и апологетики в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже.

Асер-RUSSIE в России:

- сотрудничает с общественными организациями, братствами, приходами;
- устанавливает связи и организует обмен опытом между общественными российскими и западными организациями;
- проводит семинары, тренинги и конференции в России на социальные темы;
- содействует социальной работе и помогает благотворительным акциям;
- оказывает поддержку общественным социально-ориентированным организациям и местным инициативам помощи самым нуждающимся, в основном детям: в детских домах, уличным, в больницах, в тюремных домах ребенка, детям-инвалидам, больным детям, несовершеннолетним заключенным, подросткам в трудных ситуациях, кроме этого нуждающимся взрослым – в тюрьмах, больницах, престарелым и инвалидам.

Асер-Russie во Франции:

- в течение долгих лет рассказывала европейской общественности о положении узников совести в СССР, помогала их семьям;
- более 25 лет оказывает поддержку негосударственным организациям России; информирует западную общественность о деятельности НГО России;
- привлекает внимание общественности к социальной ситуации в России;
- публикует статьи в западной прессе, выступает по радио;
- проводит тематические мероприятия и издает ежеквартальный бюллетень на французском языке.

Acer-RUSSIE, 91 rue Olivier de Serres, 75015, Paris, France

Тел. 00 33 (0)1 42 50 53 46. Факс 00 33 (0)1 42 50 19 08

E-mail: courrier@acer-russie.org

Site: www.acer-russie.org

Париж – Лион, 2011.
Знакомство с французской ювенальной юстицией.

Коллектив авторов:
Наталья Дзядко, Марина Поливанова,
Михаил Агафонов, Римма Чиркина

Редакторы: Наталья Дзядко, Катрин Ле Ру
Литературный редактор: Анна Красникова
Корректор: Светлана Крючкова
Фотографии: Наталья Дзядко, Елена Гордеева
Дизайнер макета, верстальщик: Ванда Авраменко
В оформлении обложки использован рисунок Боба Абрамкина

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»
101000 Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.
Тел.: (495) 621-09-15. Факс: (495) 621-10-24.
www.prison.org; sodeistvie@prison.org
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Микропринт».
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.